

Вера Колочкова

**Вера, надежда, любовь
(сборник)**

Вера Александровна Колочкова

Вера, надежда, любовь (сборник)

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6279255

Вера Колочкова «Вера, надежда, любовь». Серия «Женские истории»:

ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04683-3

Аннотация

Маша влюбилась в Арсения, как только увидела. Ни собственное замужество, ни рождение дочери не ослабили отчаянного тайного чувства. Маша терпит отвратительный характер жены Арсения Инны ради возможности каждый день видеть любимого, работать с ним, быть его правой рукой на фирме. Появление амбициозной молодой женщины рядом с Арсением угрожает не только положению жены, но и положению верной и преданной Мышки...

Содержание

Вера, надежда, любовь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Вера Колочкова

Вера, надежда, любовь

Повести

Вера, надежда, любовь

Какой замечательный шел дождь! Будто кто-то на небесах дернул за веревочку, открывая неведомую преграду, и на землю сплошным потоком обрушился благодатный июньский ливень, отчаянный и шумный, безжалостно ломающий тонкие стебли цветов и наполняющий душу радостью дачного летнего бытия. В такой дождь чувствуется движение жизни. Конечно же обманное. Сейчас, сейчас он закончится, и обязательно произойдет что-то очень хорошее. Знаменательное. Значительное. Или просто перемены какие-нибудь. А пока можно стоять и смотреть, как буйные тяжелые капли норовят залететь на веранду, подбираясь все ближе и ближе. Как весело разбиваются у ног, обдавая их мелкими колючими брызгами.

Запахло горелым. Маша нехотя оторвалась от созерцания разбушевавшейся не на шутку водной стихии, вернулась на кухню. Так и есть, котлеты можно выбрасывать. Подгорели. Придется снова размораживать фарш, лепить новые. Что ж,

времени у нее навалом. Все еще спят после вчерашних посиделок с шашлыками, выпивкой да обязательным ночным купанием в теплой мелкой речушке. И неизвестно, сколько еще проспят.

Вот всегда так! Они, значит, дрыхнут, а она должна мыть вчерашнюю посуду и готовить обед. А все потому, что алкоголь терпеть не может. Не умеет она, как Инна, красиво раскрепощаться, блестеть глазами, громко хохотать над своими же злыми и циничными шутками, направленными чаще всего в ее, Машину, сторону... Нет, где справедливость, а? Почему ясная голова за похмельную отвечает? Почему ей приходится ждать, когда изволят проснуться Инна с Арсением, хозяева дачи, и ее муж Семен? Половина воскресного дня как в воду канула, скоро уже и домой собираться пора. Завтра на работу...

Она так вчера и не осмелилась спросить у Арсения, что с ним происходит в последнее время. За весь вечер он не сказал и двух слов. Морщась, через силу пил водку, выплескивая остатки в траву, смотрел на Инну тяжелым осатанелым взглядом, двигал желваками, курил одну сигарету за другой. Что у него могло случиться? Дела в его фирме вроде идут нормально. Она-то уж точно знает. Недаром проработала у него юристом больше пятнадцати лет. И не столько юристом, сколько правой рукой, доверенным лицом, другом и советчиком. А по совместительству еще и службу лучшей подружки его жены исполняла. А что, иначе и не скажешь. Именно

службу. Просто так дружить с капризной и самоуверенной Инной трудно, наверное. Служить – это вернее будет.

А с Арсением и впрямь что-то неладное творится... Неужели все-таки влюбила его в себя эта юная стерва Алена, новая секретарша, длинноногая короткобочная блондинка? Да нет, это было бы уж слишком пошло. Арсений не такой...

От скрипа разошедшихся ступеней она вздрогнула и обернулась. По лестнице тяжело спускался Семен, осторожно глядя под ноги, отвратительно громко скребя ногтями рыжую грудь. Удивительно, как это в человеке все может быть таким рыжим: и волосы, и кожа, сплошь покрытая веснушками, и ресницы, и даже цвет глаз – все абсолютно рыжее, без единого просвета. Даже трусы на нем были светло-коричневые, некрасиво съехавшие с уже довольно выпуклого брюшка. Маша передернула плечами, снова принялась шинковать капусту для салата. «Вот, с мысли сбил... О чем же я думала? Ах да, о новой секретарше...»

– Маш, может, домой поедем? Варька там одна.

– Ну и хорошо, что одна! Сидит, к экзамену готовится! Мы ей только мешать будем. Вечером поедем...

– Поедем, Маш! Надоело мне уже тут. И Сенька вчера злой сидел весь вечер... А может, он на нас злится?

– Какой он тебе Сенька? Его вообще так никто не называет!

– Ну, если он меня Семкой зовет, то почему он не Сенька?

Тоже мне, развели иерархию. Арсений – значит, Сенька! И почему ты опять на кухне торчишь? В конце концов, это мы здесь гости, а не они! Пусть твоя подружка поднимет хоть раз свою задницу да сделает что-нибудь сама!

– Сема, прекрати! Я знаю, что делаю! Не зли меня! Скажи лучше, есть будешь?

– Да я-то что, мне ж за тебя обидно...

Семен вышел на веранду, постоял, раскинув руки в стороны. Сладко и с хрустом потянулся.

– Красота-то какая! Дождь прошел, клев хороший будет... Маш, я на речку! Ты не знаешь, где у Сеньки удочки?

– Иди-иди... В сарае какие-то удочки были, посмотри... И не смей называть его Сенькой, слышишь?

Ну что ж, вот и обед готов. Маша поставила в холодильник заправленный маслом салат, сняла с плиты сковороду с котлетами. Выйдя на веранду, увидела подъехавшую к воротам красную Ленкину «девятку», пошла навстречу по мокрой траве. Вот и накормить есть кого...

С Ленкой Найденовой Маша дружила уже двадцать лет, с тех самых пор, как поселилась с ней в одной комнате общежития юридического института. Господи, какими смешными они тогда были... Она, Маша, классическая провинциалка, по-деревенски неуклюжая, с мышинным серым хвостиком стянутых аптекарской резинкой волос, и Ленка, детдомовский ребенок, вечно голодная, настороженная, готовая к стремительному нападению на любого обидчика, своего ли,

Машиного ли – все равно. Потом довольно-таки странным образом в эту дружбу занесло и Инну Ларионову, самую красивую девочку на их курсе. Инна жила тогда с папой и мамой, в хорошей городской квартире, была единственным и любимым ребенком, никогда ни в чем отказа не знающим. Она и в юридический-то захотела так, от фонаря, начитавшись детективов суперпопулярного в те времена Юлиана Семенова, и поступила по блату, по папиному звонку, в отличие от Маши и Ленки, которым пришлось в те времена ой как поднапрячься, чтобы набрать проходной балл. Это сейчас юридического факультета не организывает только ленивый ректор любого вуза, а тогда, двадцать лет назад, он давался либо упорным, либо родившимся, как Инна, с серебряной ложкой во рту.

– Привет, Мышь... – Ленка, чуть приобняв, прижалась щекой к Маше, изобразив красиво накрашенными губами поцелуй. – Как вы тут без меня? Ларионова, наверное, опять напилась как свинья? Обижала тебя, Мышонок?

– Да ладно... – махнула рукой Маша в сторону дома. – Рассказывай, как свидание-то прошло?

– Погоди, давай Инку разбудим. Чего ж я стану два раза про одно и то же?

Пока Маша раскладывала по тарелкам салат и горячие еще котлеты, Ленка, подталкивая в спину, спустила по лестнице хнычущую Инну, лохматую и бледную, в элегантной шелковой цвета теплых сливок пижаме, слегка подпорчен-

ной пятнами от не смытой вечером с лица косметики.

– Мышь, чаю крепкого сделай... – капризно не то попросила, не то приказала Инна. – Ой, как мне плохо... Ленка, ну зачем ты меня разбудила!

– А хватит дрыхнуть! Пить меньше надо! У подружки судьба решается, прояви участие! И вообще, ты здесь хозяйка или Мышонок? Негоже больше гостей напиваться-то...

– Да отстань! Мышь и без меня все сделает... Чего ты ко мне привязалась? Давай рассказывай лучше, что у тебя там... Стоящий хоть мужик?

– Да черт его знает... – задумчиво начала Ленка, принимаясь за салат, – ничего вроде, только скучный очень! Вот объясните мне, девочки, почему так происходит? И не урод, и не дурак, и интеллектом не обижен, а пообщаешься, и такое чувство, будто овсянки без соли и сахара объелась! Тоска...

– Мышь, ну чай будет или нет, в конце концов?... Я ведь умру сейчас! – капризно запричитала Инна, глядя куда-то в потолок. Откинув назад шикарные белые локоны, сердито замолчала, всем своим видом показывая, как трудно дается ей это утреннее насилие над организмом, которому положено еще спать да спать, перерабатывая остатки злого похмелья. Потом, развернувшись всем корпусом к Лене, многозначительно произнесла: – А что? Овсянка, между прочим, штука полезная... Желудок здоровее будет. Да и вообще... Вот ты поживи-ка с моим Арсюшей, каждый день понервни-

чай с мое! Это тебе не овсянка, а скорее сырокопченая колбаса! Очень вкусно, когда ешь, а потом кишки в трубочку сворачиваются... Нет, Ленка, овсянка – это очень даже не плохо! Правда, Мышь?

– Я не знаю...

– А чего это ты не знаешь? Твой Сема, между прочим, – классическая овсянка! Ну, может, с хреном и перцем, а по сути – преснятина...

– Нет, Сема не овсянка! – тихо произнесла Маша. Так тихо, что никто ее и не услышал.

Ленка, уплетая уже третью котлету и обращаясь в основном к Инне, торопливо рассказывала:

– Вы же знаете, у меня на сегодняшний день только два претендента на руку и сердце. Хотя вернее будет так: на сердце претендует вчерашний, который Овсянка. Господи, девки, из него ж любые веревки вить можно! Будет носки стирать и воду пить! Но каша есть каша, на третий день от одного вида затошнит... А другой – как ты, Инка, говоришь – чистая копченая колбаса! И вкусно, и вредно! И хочется, и колется! Только вот сердце мое ему и на фиг не нужно!

– Ленк, а чередовать их никак нельзя? Неделя – копченая колбаса, неделя – желудок лечим, а?

– Инка, ты о чем? Я вообще-то замуж хочу, чтобы и в горе, как говорится, и в радости... Чтобы семья настоящая была, муж настоящий! Моя Катька вот-вот замуж выскочит, и останусь я одна... Да и вообще, фамилию сменить надо! Не

хочу быть Найденовой! У нас в детдоме много Найденowych было. Кого на вокзале нашли, кого на крыльцо подбросили. Меня, например, из пригородной электрички принесли... Я ж в нормальной семье никогда не жила, вот и не знаю, что лучше: тоскливая жизнь с овсянкой или как у тебя, Ларионова, – красивая, но с постоянным дискомфортом в эпицентральной области.

– Не знаю, не знаю... Я бы с Машкиным Семой и дня не прожила! – развернулась Инна к стоящей у окна Маше, держа обеими руками большую красную кружку с зеленым чаем. – Мышь, а тебе не противно? У него ж вся кожа в веснушках...

Маша молчала, смотрела куда-то вдаль, поверх высокого забора, внимательно разглядывая кусок ярко-голубого неба, ограниченного пределами кухонного окна. Потом повернулась к Ленке, тихо сказала, улыбаясь:

– Ленусь, а ты нас познакомь... И с Овсянкой, и с Колбасой, по очереди. Вот тогда и посоветуемся!

– Слушай, а это идея! Молодец, Мышонок!

– Все, договорились! – тут же подхватила Инна. – В следующий выходной вези сюда претендента! Кому первому будем смотрины устраивать? Я лично предпочитаю колбасу, и чем сырокопченее, тем лучше.

– Нет, девочки! В следующий выходной мы втроем едем в деревню к Овсянке, он временно там с мамой живет. Вы, конечно, в наши планы не входите, но я представляю вас мои-

ми бедными родственницами, скажу, хотите в бане с мылом помыться...

Инна расхохоталась громко, с удовольствием, запрокинув красивую голову. Маша лишь улыбнулась сдержанно, опять отвернувшись к окну. Ленка подобрала с тарелки хлебным мякишем последние крошечки, поглаживая себя по животу, задумчиво посмотрела на большую сковородку с котлетами. Потом решительно отодвинула тарелку, встала из-за стола:

– Все, пошли купаться! После дождя вода теплая, мягкая, для кожи полезная!

– Ну ты же еще не Овсянкина жена, чтобы о пользе думать!

– Ларионова, не рассуждать! Иди купальник надевай! Мышонок, ты идешь?

– Нет, я посуду помою...

– Инка, тебе не стыдно? – уже от двери обернулась Лена к Инне. – Она что у тебя здесь, горничной служит? Или кухаркой?

– Да ладно тебе, Лен... – скривила ухмылкой губы Инна, глядя в Машину спину. – Ты же нашу Мышь знаешь. Пока она своего начальника не накормит, с места не сдвинется! Тоже мне, преданный юрисконсульт Арсения Ларионова... И на службе, и в быту... Служи, Мышонок, служи!

Маша грустно провожала их глазами, пока они шли по двору, потом помахала рукой обернувшейся от ворот Ленке.

«Служи, Мышонок, служи...»

Она и служит, вот уже двадцать лет как служит! С то-

го самого дня, как Инка впервые привела к ним в общагу своего жениха Арсюшу, высокого улыбчивого парня с яркими серо-голубыми глазами, пронзительными и завораживающими. Странное что-то случилось с Машей в тот вечер их первого знакомства. Даже и влюбленностью это нельзя было назвать. Скорее гипноз какой-то, ступор, полная блокировка сознания. В присутствии этого парня она терялась совершенно, сама себе казалась похожей на желе, не управляла ни мыслями, ни собственными желаниями, не видела, не замечала никого вокруг... А без него просто умирала. Он полностью проник в ее суть, занял собой все ее личное человеческое пространство. Потребность видеть его, слышать его голос со временем превратилась в зависимость сродни алкогольной или, хуже того, наркотической. Нет, она вовсе ни на что не претендовала. Как можно было – рядом с красавицей Инной? Даже зависти-ревности не испытывала. Была ли это любовь? Да, наверное, это была любовь. Такая вот. Добровольно безответная. Ничего она с собой не могла сделать. Пробовала, конечно, освободиться, и даже замуж за Семена вышла, и Варьку родила...

А теперь что? Теперь приходится Иннину с ней бесцеремонность героически терпеть. Куда ж денешься? Приходится называться подругой, хотя никакой дружбой тут никогда и не пахло.

Тогда, двадцать лет назад, перепуганную насмерть Инну привела к ним в общежитскую комнату Ленка, отбив ее

у компании сильно подвыпивших пятикурсников. Ночью, проходя по длинному коридору, услышала за одной из закрытых дверей возню, сопровождавшуюся истерическими женскими криками, и, не раздумывая, с размаху вышибла ногой дверь, ворвалась вихрем, как заправская героиня крутого боевика, ничего не видя вокруг себя, отчаянно работая кулаками. И потом тоже все было как в кино: и восхищение спасенной от позора Инны, и пожизненная благодарность ее родителей, не без помощи которых детдомовке Ленке удалось попасть в коллегия адвокатов, и ужас протрезвевших пятикурсников... С тех пор и началась эта странная дружба: Ленка с удовольствием общалась с ними обеими, Маша терпела Инну... А Инна разрешала ее терпеть, даже не давая себе труда скрывать раздражение. А что? Наверное, очень удобно всегда иметь под рукой девочку для битья, тихую серую мышь, выплескивать на нее свою помойку, зная, что настоящего отпора не последует.

От скрипа лестничных ступеней за спиной что-то бухнуло и дернулось у нее в голове, где-то между глаз, как бухает и дергается вот уже двадцать лет...

Арсений. Маша торопливо развернулась ему навстречу, и губы сами собой растянулись в счастливой глупой улыбке. Арсений! Хорош, как всегда. Зачесанные волной назад пшеничные волосы, острый как бритва взгляд ярких серо-голубых глаз, невозможной белизны рубашка с короткими рукавами, чуть кривоватые крепкие ноги. Руки в карманах брюк,

запах дорогого одеколона тугой волной...

– Доброе утро. Ты завтракать будешь?

– Нет, Мышь, некогда мне...

– А кофе? – уже в спину ему отчаянно крикнула Маша.

– Все, Мышь, меня здесь нет! До завтра! – донеслось до нее уже с крыльца.

Он быстро заскочил в стоящий у ворот новенький синий «фольксваген», сорвался с места, оставив после себя легкое облачко пыли на уже просохшей от дождя дороге. Маша стояла, смотрела вслед, медленно приходя в себя. Уехал. Стало быть, и ей больше здесь нечего делать. Вон, аккуратно и Ленка с Инной после купания возвращаются. Надо попрощаться и уезжать.

– Мышь, а куда это он так рванул? – спросила подошедшая Инна. – Сегодня же выходной...

– Не знаю. Ничего не сказал.

– Ой, девчонки... Вам не кажется, что он вообще в последнее время не в себе? – плюхнулась Инна в маленькое плетеное креслице. – Сдается мне, бабу завел! Мышь, ты ничего не слышала такого на фирме?

– Нет, не слышала...

– Господи, никакого от тебя толку нет! Не видела, не слышала, не знаю... Амеба! У тебя ж свой интерес должен быть!

– Какой? – испуганно развернулась к ней Маша.

– А такой! Вот не дай бог свалит Арсюшка к другой бабе, молодой и красивой, и она быстренько уберет с фирмы всех

подруг бывшей жены!

– Как это – свалит? Ты что, Инна?!

– Да шучу я, шучу. Ишь как перепугалась! Не дам я ему свалить. Что я, дура, что ли? Костями лягу... Я ж классическая бездельница, любительница копченой колбасы, и ни на какую овсянку мне уже никогда не пересесть. Фу, даже думать об этом не хочу! Чур меня, чур...

– Мышонок, дай пожрать чего-нибудь! С голоду умираю! – заныла Ленка, заходя на кухню.

– Да ты ж недавно ела! – удивилась, как обычно, Маша.

– Ну и что! Ты ж знаешь, я всегда есть хочу...

Действительно, есть Ленка хотела всегда, в любое время суток. Особыми вкусовыми пристрастиями не страдала, ела, как говорится, все, что не приколочено, оставаясь при этом на удивление стройной. И красотой ее Бог тоже не обидел. Все было в ней пропорционально и правильно: большие распахнутые глаза, прямой носик, классической формы губы приятным бантиком. Только обаяния, женского, настоящего, не было. Тонкого шарма, приятной ленивой грациозности. Отсутствовали в ней все эти прелести напрочь. Выбиты были в детдомовских драках, уничтожены в борьбе за выживание, за кусок хлеба, за возможность жить той сытой и красивой жизнью, которая грезилась ей ночами в огромной интернатской спальне на двадцать железных коек. Зато всего этого было вдоволь в капризной балованной Инне – и шарма, и обаяния, и барской ленивости. «Странно, почему же

меня-то природа ничем таким не наградила? – думала Маша, глядя на подруг. – Вроде я тоже не в детдоме росла... Серая мышь, она и в Африке, наверное, серая мышь...»

Ей снова захотелось уехать. Домой, в свою квартиру, где вот уже второй день хозяйничала Варька, их с Семеном дочь, готовясь к очередному школьному экзамену. И вообще, скоро выпускной вечер, а у девчонки даже платья нет! И куда она будет поступать, они еще не решили... Вот и Семен показался во дворе. Очень кстати.

– Семен, собирайся, поехали! – крикнула Маша в открытое окно кухни.

– Мышь, ты что, очумела? День только начинается! А кто баню топить будет? Мы ж вчера в баню собирались! – возмутилась Инна неожиданным поворотом событий.

– Маш, не забудь, в следующий выходной едем к моему Овсянке! Я тебе позвоню! – спокойно проговорила Лена, глянув, как всегда, с укоризной на Инну.

– Мышь, в чем дело? Ты никуда не поедешь! Пусть Семен уезжает, тебя потом Ленка отвезет! – продолжала капризно требовать Инна.

Под ее причитания она быстро собралась, расцеловалась с Ленкой, махнула на прощание им обеим рукой и села в машину к сердитому Семену.

– Даже поесть не дала... – пробурчал он тихо, себе под нос.

– Ничего, Сема, дома поешь... Не сердись!

– Да я не голодный! Просто непонятно, Маш, зачем мы сюда ездим? Не нравится мне все это. Давно тебе говорю – давай свою дачу купим! Эта стерва обращается с тобой как со служанкой, а ты терпишь! Почему? Ты же в сто раз умнее и красивее ее!

«Ну да, красивее, – усмехнулась про себя Маша. – Я для тебя с первого класса всех красивее и всех лучше. Как сел со мной за одну парту, так и не отошел ни на шаг больше!»

В их поселковой школе Семен Ильин слыл первым хулиганом и двоечником. Даже на первый взгляд классически соответствовал хулиганскому образу: рыжие вихры его задорно торчали в разные стороны, крупные веснушки горели яркими огоньками на облупленном носу, ворот рубахи был вечно помят и распахнут до неприличия ввиду отсутствия пуговиц, потерянных в отчаянных драках. «Кто к Машке Серовой близко подойдет – в глаз дам!» – предупредил Сема всех потенциальных соперников. Хотя никто на нее особо никогда и не покушался. Кому интересна тихая серая мышка, зубрилка, отличница и скромница, мамина дочка да бабушкина внучка?

«Машенька, а вдруг он и в самом деле не даст хорошему парню к тебе подойти?» – сокрушалась мама. «Да ладно тебе, Оля... – успокаивала ее бабушка. – Ильины семья справная, крепкая... Они все по молодости драчуны да вояки, а потом ничего, все в люди выходят... Дай бог, и у Семки с Машенькой все сладится!»

Оно и «сладилось», как напороочила бабушка. Через месяц после Инниной свадьбы Маша, отпросившись в деканате на неделю «по семейным обстоятельствам», заявила неожиданно в свой поселок. «Так ты жениться на мне будешь или нет?!» – ошарашила она в первый же вечер Семена, почти уже потерявшего надежду на Машины руку и сердце после ее поступления в институт. «Буду, конечно... А когда?» – «Завтра! Завтра же пойдем и распишемся... А свадьбу через два месяца сыграем, когда я на каникулы приеду!»

А потом были и свадьба, и белое платье, и крики «Горько!», и деревенское гулянье, растянувшееся на целую неделю. Семья у Семена действительно оказалась «справной», права была бабушка. Сложились Ильины родители, братья и сестры, бабушки и дедушки, купили молодым квартиру в городе, чтобы не жить им порознь, пока Маша учится в своем таком хорошем престижном институте. И насчет Семена мудрая Машина бабушка не ошиблась. Он быстро нашел в городе работу – его взяли слесарем в автосервис. Со временем заимел он и свою постоянную клиентуру, стал зарабатывать прилично. А вскорости и Варька на свет появилась...

Живи да радуйся, Мышь серая, чего тебе еще надобно! Забудь про Копченую Колбасу, ешь себе Овсянку с хреном! Так нет, не получается... Ни себе счастья, ни Семену, ни Варьке...

Маша потянулась последний раз, выползла из-под одеяла,

нехотя встала с постели. Почему по утрам бывает так тяжело на душе? Пробуждение, оно ж радостным должно быть, душа петь должна во все горло, а она вместо этого капризничает, хмурится, все ей не так... Может, гимнастику сделать? Или педали на тренажере покрутить? Нет, не хочется...

Она долго стояла под прохладным душем, подставив лицо под упругие струи, смывала с себя остатки сна, где, как обычно, присутствовал он и только он, Арсений, в разных вариациях, ситуациях, ипостасях и образах. Интересные ей иногда снились сны. Там была у нее другая жизнь, недоступная, почти фантастическая. Счастливая, одним словом. А жить-то, просыпаясь, надо этой жизнью, здесь и сейчас...

– Мам, а сегодня пойдем платье покупать? Выпускной через неделю уже! – встретила ее вопросом Варька, сидя за кухонным столом и старательно намазывая тончайший слой масла на маленький кусочек бородинского. Маша подошла, поцеловала ее в рыжую макушку, села напротив.

– Доброе утро, дочь. Ну что ты мучишься, возьми нормальный кусок, намажь хорошенько маслом! Ты ж этих малюсеньких кусочков все равно десяток за утро уплетишь! Только обманываешь себя... Кто тебе сказал, что ты толстая?

– Да твоя подруга драгоценная сказала, тетя Инна Ларионова!

Варька соскочила со стула, изогнулась в причудливой позе, пытаясь изобразить Инну, жеманным голосом произнесла:

– Варюша, ты знаешь, в твоих веснушках что-то есть... Если б ты не была таким колобком, что-то из тебя и можно было бы сотворить...

Потом быстро села на место, отправила целиком в рот свой миниатюрный бутерброд. Прожевав, громко сказала:

– Все! Больше есть не буду!

– Варенька, так нельзя... Ты совсем не толстая, поверь мне! Просто у тебя кость широкая, как у папы, а жира лишнего ни грамма нет! Ты ж у нас сама по себе – яркая индивидуальность! Таких шикарных темно-рыжих волос ни у одной женщины на свете нет, уж поверь мне! И таких ярко-синих глаз ни у кого нет! А в сочетании с твоими веснушками знаешь как это смотрится? Полный улет! А если похудеешь, глаза будут голодными, злыми, несчастными... Да тетя Инна тебе просто завидует черной завистью, а ты и повелась, дурочка!

– Ну и ладно, ну и убедила!

Варька быстро намазала маслом большой кусок хлеба, положила сверху сыр, кусок колбасы, ломтик лимона и с упоением впилась зубами в толстый бутерброд, тихо рыча от удовольствия.

– Ты моя умница! – Маша, смеясь, допила кофе, уже на ходу чмокая дочь в веснушчатый носик. – Все, Варюша, меня здесь нет!

– А платье?! Платье пойдем покупать?

– Позвони мне в конце дня, договоримся!

Июньское утро встретило щебетом птиц, приятной прохладой. Как хорошо, что на работу можно ходить пешком! Целый час неторопливой ходьбы по утреннему городу – что может быть лучше! Да еще прибавить к этому удовольствию радостное предвкушение счастья – сейчас, сейчас она увидит его... Ничего, все нормально! Можно сказать, жизнь состоялась. Все замечательно, серая мышь, вперед!

В пустом кабинете тихо работал кондиционер. Компьютер за Аркашиным столом был включен, и даже текст документа – его вчерашнего задания – был наполовину набран. Молодец мальчик! Поначалу, когда Арсений привел Аркашу ей в помощники, она было возмутилась: сама не сильно загружена, да и не понравился он ей... Потом выяснилось, что папа его – знакомый Арсения. То ли однокашник, то ли друг детства. «Понимаешь, Мышь, не мог я ему отказать! Сейчас молодым на работу практически не устроиться, юристов черт знает сколько наштамповали! Плюнешь на улице – в юриста попадешь... – объяснял ей свой поступок Арсений. – Он смысленный мальчишка, пусть поработает, опыта наберется. Может, когда и пригодится еще!» Аркаша действительно очень ей пригодился – оказался не просто смысленным мальчишкой, но и вполне интересным собеседником, обладающим тонким чувством юмора и забавной доморощенной склонностью к психоанализу.

А кстати, где он сам-то, Аркаша? Опять, наверное, около Алены сидит...

Маша прошла в приемную, открыла дверь. Так и есть. Сидит. Ох уж эта девица! Нашла себе в лице мальчишки благодарного созерцателя. Возложила одну скульптурную ногу на другую и медленно поворачивается перед ним на крутящемся стуле, опираясь на высоченную шпильку. Белоснежная блузка, юбка почти по самое ничего... Красота, черт ее подери! Чересчур белокурые волосы тщательно уложены в мудреную косу, которая, как маятник, раскачивается за спинкой стула в такт ее плавным движениям. «Ничто так не красит женщину, как перекись водорода!» – вспомнила Маша Аркашиного производства шутку в адрес Алены. Да уж, с белокуростью Алена явно перебрала. В глаза бросается. Зато пухлые губы наверняка свои, родные. Чувственно тронутые блеском, изогнулись в усмешке. И красивые наглые глаза снисходительно прищурены. «Кокетка, мать твою! Моя Варька в сто раз тебя интереснее...» – вежливо улыбаясь, успела подумать Маша, подходя к Алениному столу.

– Доброе утро, молодые люди! Арсений Львович на месте?

Алена медленно развернулась к ней на своем крутящемся стуле, окинула с головы до ног наглым взглядом. Оценила, стало быть. Но ничего не успела ответить – дверь в кабинет Арсения резко открылась. Маша отпрянула, увидев его бледное злое лицо.

– Зайди! – рявкнул он ей.

Тут же, развернувшись, пошел в глубь кабинета.

– Почему у тебя Аркадий без дела шатается? – накинулся он на Машу, как только она закрыла дверь. – Уволю к чертовой матери! Ты что, без него не справляешься? Молокосос!

– Арсений, но ты же сам его привел... – растерянно залепетала Маша. – Он хороший мальчик и вовсе нигде не шатается... А что в приемной сидит – так он же интересный парень, и Алена ему нравится. Дело молодое...

Лица его она не видела. Арсений стоял у окна, держа сжатые кулаки в карманах брюк, медленно покачивался с пятки на носок. Молчал. Потом медленно произнес:

– Ладно, Мышь, иди к себе... Извини.

Маша вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Аркадия в приемной уже не было. Алена сидела в прежней своей позе, красиво возложив ногу на ногу. Чуть улыбаясь уголками рта, смотрела на Машу. От ее насмешливо-наглого взгляда стало не по себе, захотелось поскорее уйти. «Тоже мне, Шерон Стоун... И почему я всегда теряюсь, когда на меня так смотрят? Сбегаю с поля боя, побросав все знамена...» – с досадой думала Маша, медленно подходя к дверям своего кабинета.

Аркаша сидел за столом, близоруко уткнувшись носом в экран монитора, пальцы его проворно бегали по клавиатуре.

– Почему очки не носишь? – проходя мимо, бросила Маша. – Выпендриваешься, что ли? Не видишь же ни фига...

– Что надо, увижу.

Маша прошла к подоконнику, нажала на кнопку чайника, достала из шкафчика банку с растворимым кофе, две боль-

шие одинаковые кружки.

– Давай кофейку дернем, Аркаш... Что-то мне плохо после твоей Алены. От нее волны какие-то агрессивные идут. Красивая девка, только почему злобная такая?

– Потому и злобная, что красивая.

Аркаша встал из-за стола, присел в низкое кресло за маленьким журнальным столиком.

– Какая связь? – удивленно уставилась на него Маша, наливая кипяток в кружки с кофе.

– Понимаете, Марь Владимирна, если женщине природа дала красоту, она, эта женщина, абсолютно искренне считает, что в придачу ей автоматом полагается абсолютно полный набор всяческих материальных благ. А если этих благ у нее на данном этапе нет, то в этом оказываются виноваты все окружающие, в том числе и вы.

– А чего ей не хватает? Говорят, она из хорошей семьи и бабушка у нее генеральша какая-то...

– Да врёт она все! Про семью не знаю, может, она у нее в родной Мордоплюевке и впрямь хорошая, а здесь у нее точно никого нет. Комнату снимает где-то на окраине.

– Как – комнату снимает? У нее ж местная прописка есть, я сама видела, когда документы проверяла!

– Так она купила прописку у той самой генеральши, которую за свою бабушку выдает. Без прописки даже на швейную фабрику сейчас не устроишься, не то что в приличную фирму. А ей непременно надо в приличную, чтоб и шеф был

приличный, и состояние у него соответствующее, и сам из себя ничего, не совсем дряхлый старичонка... Вот наш Арсений Львович, например, полностью всем параметрам соответствует.

– Ты что, хочешь сказать, что она на него глаз положила?

– Ну, вы даете... Все уже знают, одна вы на белом облаке сидите. Хотя правильно, вы ж подруга его жены... А жены о таких вещах узнают, как всегда, последними. Она и меня-то разводит только для того, чтобы шефа позлить, ревность вызывать. Все белыми нитками шито.

– А зачем ты, как лох последний, ведешься, если все понимаешь? Сидишь около нее целыми днями? Нравится она тебе, что ли?

– А она всем нравится. От нее одуряющий аромат стервозности идет. На мужиков действует, как валерьянка на котов.

– А ты бы на ней женился, Аркаша?

– Да на фиг я ей сдался, я ж параметрам не соответствую. У меня и фирмы своей пока нет...

Аркаша замолчал, понуро рассматривая пустое дно кружки. Маша тоже молчала, так и не притронувшись к своему кофе. Внутри у нее все ооченело от страха, даже горло сдавил сильный спазм, будто по нему провели чем-то холодным и шершавым. «Какая я слепая, боже мой... Опасность созрела прямо на моих глазах, а я ничего и не заметила. Он же месяц уже такой ходит. Хмурый и злой. Я думала, он просто устал...»

Она заставила себя встать, села за свой стол, задумалась. Да нет, не может быть... Аркаша просто влюбился в эту красивую девчонку, вот и мерещатся ему счастливые соперники. Арсений любит Инну, всегда любил. Она это точно знает. И давно уже к этому знанию привыкла. И приняла его в себя навсегда. Привыкла к своей бедной однобокой любви, приспособилась, смирилась... И вот на тебе! Нет, Алену ей уже не пережить...

Она сидела, тупо уставившись в бумаги, прислушиваясь к нарастающей пульсирующей боли в затылке, переживая сильнейшее, настоящее по глубине эмоций предательство по отношению к себе. Предательство, которого нет.

«Чего ты хочешь, мышь серая... – нашептывало ее собственное, поселившееся много лет назад и уже основательно в ней прижившееся унижение. – Насобачилась за столько лет прятать, скрывать свое чувство, греться своей однобокой мышинной любовью около чужого счастья. Привыкла она, видишь ли!»

Весь день она автоматически что-то делала, отвечала на звонки, подписывала, не глядя, какие-то бумаги, даже обедала, не понимая, что ест, и зачем вообще нужно есть, зачем улыбаться коллегам и что-то говорить, и зачем вообще жить... К концу дня, поднеся к уху телефонную трубку, не сразу узнала голос дочери:

– Какое еще платье, Варя! Я на работе, не мешай мне...

И тут же, словно опомнившись, быстро затараторила, гася

Варькино готовое прорваться слезами возмущение:

– Ой, Варечка, конечно! Все, бегу-бегу! Ты где? Да, на скамье в том сквере... Знаю! Сиди там, я быстро! Я уже почти с тобой! Сейчас отпрошусь только!

Маша быстро дошла до приемной, целенаправленно двигаясь в кабинет Арсения. Отметила краем глаза пустующее Аленино кресло. Тихо открыла дверь и замерла на пороге.

Арсений стоял к ней спиной, нежно и крепко обнимая Алёну, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Красивая головка девушки, прижатая его большой рукой, уютно устроилась между его плечом и шеей. В этом его раскачивании было что-то интимное, трогательное, будто он держал в руках любимого ребенка, которого надо успокоить, пошептать на ушко всякую всячину, подуть на ушибленное место...

Маша тихо закрыла дверь, медленно вернулась к себе. Внутри все ныло, и вовсе не белой завистью, а самой настоящей, черной, жгучей, едкой, как серная кислота. Она рассеянно огляделась, ища сумочку. Надо бежать.

Не попрощавшись с Аркашей, который удивленно на нее таращился, она выскочила на улицу, яростно махнула рукой, подзывая такси.

– Что-то случилось, мам? Все в порядке? – тревожно спросила Варька, когда она плюхнулась рядом с ней на скамью в сквере. – У тебя такое лицо...

– Все хорошо, Варюша, я просто устала. Ну, vedi! Пойдем покупать тебе самое красивое платье!

Говорят, шопинг отвлекает женщину от любых проблем. Ерунда какая. Хотя... Глядя на счастливое Варькино возбуждение, она действительно отвлеклась. Потому что это было зрелище! Модельной походкой выходя из очередной примерочной, она так сияла глазами, требуя немедленного одобрения, что поневоле залюбуешься и начнешь от души одобрять, оценивать и советовать. Несмотря на то, что от мелькания пестрых тряпочек, поясков, бусиков и шарфиков давно уже кружится голова и рябит в глазах. Правда, советчица из нее получилась никудышная. Ей нравилось абсолютно все, что бы ни надела Варька. Дочка же, любимая! Та самая душенька, которая во всех нарядах хороша!

Да и как советовать, когда сама она в моде совсем не разбирается? То есть воспринимает одежду не как определяющий женскую суть фактор, а как некую жизненную необходимость, соответствующую случаю: в гардеробе надо иметь пару строгих костюмов для работы, выходное нарядное платье и комфортную спортивную одежду для прогулок и дачных уик-эндов. А остальное – зачем? Для мелких и суетных страданий? Как у той же Инны, например, которая, округлив от ужаса глаза, рассказывала ей о своем «позоре» – боже-боже мой, ее видели в общественных местах дважды в одном платье! Катастрофа общечеловеческая! В чем состоит этот самый позор, до нее ну никак не доходило, хоть убей. Да и действительно, что с нее возьмешь, с серой мыши? Хватает ей для жизненного комфорта обычной серой шкурки, а боль-

шего, видимо, и не дано понять... Не развито в ней чувство вкуса к одежде, не привито с детства ни мамой, ни бабушкой, сельскими учительницами, вырастившими ее в полном отсутствии в семье мужей и дедушек.

– Главные достоинства женщины – ее душа да умная голова, – говорила бабушка, наблюдая за Машей, подолгу разглядывающей свое отражение в зеркале, – кто душу разглядит, тот и счастлив будет! А все остальное, внученька, – так, мишура, сорочий обман...

– А вдруг мою душу никто не разглядит, бабушка? – пугалась Маша, надевая на школьный вечер свою обычную белую блузку со строгим воротничком и стягивая собранные на затылке волосы желтой аптекарской резинкой.

– Не бойся! Кому суждено – тот разглядит! А кто, как сорока, на блестящее падок, тому и душа твоя без надобности.

– А почему тогда мамину душевную красоту никто не разглядел?

– Не судьба, значит... И мамину не разглядели, и мою тоже...

– А кто мой отец, бабушка?

– Не знаю. Мне твоя матушка ничего тогда про него не сказала. Приехала на каникулы – уже беременная была, институт пришлось заочно оканчивать... Только потом призналась, что твой отец и не знает даже, что ты у него есть! Она сама так решила: если не смог полюбить – пусть и про ребенка не знает! Грех-то какой на человеке... Любила она его

сильно, Машенька. По-моему, и до сих пор любит... А твою красоту обязательно разглядят, не сомневайся! Вон Семка Ильин – так и вьется вокруг! Сумеет разглядеть – счастлив будет, и тебе за его счастье воздастся, уж поверь мне...

– Мам, посмотри! – вывела ее из задумчивости Варька, остановившая наконец свой выбор на открытом легком платье нежного бирюзового цвета, который изумительно шел к ее рыжим волосам. Маша посмотрела на ценник, брови ее от удивления автоматически поползли вверх. Ничего себе... Нет, для Варьки ей не жалко было никаких денег, надо так надо... Просто странно осознавать, как это стоимость маленькой шелковой тряпочки может быть соизмерима с двумя ее месячными зарплатами. А платил ей Арсений очень щедро! Иногда даже неловко было получать эти деньги: ей казалось, что она их и не заработала вовсе...

Он вообще никогда не был ни жадным, ни расчетливым. Казалось, он вообще не считает денег. Любой сотрудник его фирмы мог запросто попросить у него и материальную помощь, и ссуду. И подарки Арсений всем любил дарить самые что ни на есть шикарные, неожиданные, причем делал это с видимым удовольствием. И радовался, как мальчишка, наблюдая за искренним восторгом одаряемого. «Нет, совсем губа не дура у этой провинциальной стервочки, нашла кого охмурить, – думала Маша, наблюдая за суетой продавщиц обувного магазина, где Варька примеряла уже десятую пару туфель. – Девочка сделала абсолютно правильный выбор...»

– Мам, я правильный выбор сделала, как ты думаешь? – услышала она голос дочери. Варька стояла перед ней, держа на весу изящные белые туфельки с открытой пяткой.

– Да, Варюша, ты сделала абсолютно правильный выбор, – отрешенно улыбаясь, ответила Маша.

Дома их уже поджидал Семен с горячим ужином, с бутылкой сухого красного вина. После ужина они сидели на диване, одинаково умильно улыбаясь, глядя на свое рыжеволосое крутящееся перед зеркалом чадо в шикарном дорогом платье. «Вот оно, счастье... Руками потрогать можно. Живи, как говорится, и радуйся. А на душе не только кошки скребут, там еще и камни тяжелые ворочаются, и черный дождь вперемешку с пеплом шуршит не переставая...» – думала Маша, мысленно возвращаясь в пережитое. Вот она открывает дверь, видит Арсения, баюкающего в руках Алену. Вот он сильно и нежно прижимает ее голову к плечу...

– Маш, ты болееешь, что ли? – услышала она участливый голос Семена. – У тебя глаза какие-то сильно температурные. Или устала? А может, давай в отпуск махнем? На недельку, а, Маш? Пока у Варьки вступительные экзамены не начались? А с Сенькой я сам договорюсь...

– Не смей никогда называть его Сенькой! Какой он тебе Сенька? Я же просила тебя! Я же как человека тебя просила!

Неожиданно для себя Маша истерически расплакалась, закрыв лицо руками и бухнувшись в диванную подушку. И никак не могла остановиться, чувствуя, почти физически

ощущая стыд от своих слез, от обескураженности мужа и дочери, растерянно застывших над ней в нелепых позах.

– Варька, валерьянку неси! – скомандовал наконец Семен. Смешно подогнув колени и неловко ковыляя на высоченных каблуках, Варька бросилась на кухню, загремела попавшимся на пути стулом.

– Пап, да нет у нас никакой валерьянки! – испуганно прокричала она уже оттуда.

– Тогда просто воды принеси!

Выхватив у подбежавшей дочери стакан, Семен набрал полный рот воды и, смешно вытаращив глаза, изо всех сил брызнул на Машу. Вздогнув, она мгновенно перестала плакать, испуганно уставилась на мужа:

– Ты что, с ума сошел?

– Так растерялся я... Ты ж раньше никогда так не плакала.

– А водой-то зачем?

– Да нормально! Нас с братьями в детстве бабка всегда так лечила. Подойдет неожиданно да ка-а-ак брызнет!

– Ну уж... Не знаю, как насчет лечения, а зайкой на всю жизнь человека можно оставить! – уже со смехом сказала Варька, стряхивая с нового платья прилетевшие редкие брызги.

Они посмеялись еще втроем, потом попили вместе чаю с тортом, беззлобно переругиваясь на тему очередности мытья посуды. Вспомнив удачно и к месту про «морской закон», Маша с Варькой быстро выскочили из-за стола, торжественно

но нацепили на Семена фартук и ушли спать.

Маша заснула в то же мгновение, как голова ее коснулась подушки. «Хорошее успокоительное придумала Семенова бабка... – успела подумать она, засыпая. – Завтра трудный день, надо будет все рассказать Инне... А может, с Ленкой сначала посоветоваться? Ладно, утро вечера мудренее...»

Она уже не слышала, как в спальню вошел Семен, не видела, как долго смотрел на нее, спящую, как переливались в его рыжих глазах любовь и тревога, вместе взятые...

– А может, тебе все-таки показалось, Мышонок? Ну подумаешь, приобнял шеф секретаршу... Да я тебе сколько угодно анекдотов расскажу на эту тему! – рассуждала Ленка, поедая уже третью отбивную подряд.

Они сидели втроем на Машиной кухне, пытаясь осмыслить сложившуюся критическую ситуацию. Инна курила одну сигарету за другой, ничего не ела, молчала отрешенно, как будто разговор касался не ее, а какой-то другой женщины.

– Вы знаете, девочки, я всю жизнь ждала чего-то подобного. И ждала, и не верила, что именно со мной это может произойти... – наконец заговорила она, потушив очередную докуренную до фильтра сигарету в переполненной окурками пепельнице.

– Да ладно, не впадай в панику! Ничего же еще не случилось! – оптимистично провозгласила с набитым ртом Ленка,

жестикулируя ножом и вилкой.

– Конечно не случилось! Когда случится, уже поздно будет боржоми пить! А сейчас-то что делать? – прикуривая дрожащими пальцами очередную сигарету, допытывалась Инна. – Истерику ему закатить? Алене этой волосенки по-выдирать?

– Ты что, ни в коем случае! Она тебе только спасибо скажет! Он после этого уж точно к ней свалит, даже и не сомневайся... И так, наверное, надеется, что Мышь все тебе рассказала.

– А что, что тогда делать? – тоскливо заныла Инна.

– Ничего не делать! Жить, как прежде. Быть хрупкой и нежной, в житейских делах бестолковой. И почаще мелькать у него перед глазами в образе живого укора совести.

– Так я и в самом деле никчемная и бестолковая в этих самых делах! Только и умею, что за собой следить, всю жизнь на это положила... Сколько я денег оставила в салонах да тренажерных залах! Вот идиотка! Нет чтоб заначки делать на черный день...

– Кстати, о заначках. Давай-ка поговорим на всякий случай о вашем совместном имуществе. – Вздыхнув, Лена отодвинула совершенно чистую, как всегда, тарелку, освобождая около себя пространство. – Квартира ваша на чье имя оформлена?

– Ее Арсюше родители подарили, я там только прописана...

– Так... – задумчиво произнесла Ленка. – А дача?

– А дача по наследству ему досталась, вы ж помните, там раньше его родители жили, мы еще к ним в гости ездили... Зато моя машина на меня оформлена, я это точно знаю!

– Да что машина! – раздраженно произнесла Ленка. – Груда железа твоя машина! Ну и дура же ты, Ларионова...

Помолчали. Инна растерянно лупила красиво подкрашенные глаза, готовясь вот-вот расплакаться. Лена прикурила сигарету, выдыхая дым, повернулась всем корпусом к Маше:

– Слушай, Мышь, а магазины у него как оформлены? На имя фирмы или на него?

– Были на него...

– То есть как это – были?!

– А он их продал. Я две недели назад бумаги оформила, покупатель уже и свидетельство на право собственности получил... А площади мы теперь у того же покупателя арендуем.

– Ну и как он это объяснил? Говорил тебе что-нибудь?

– Да я и не спрашивала. Он дал мне задание – я выполнила, и все.

– Ну молодец, исполнительная ты наша! Теперь у этой дуры вообще ничего не осталось! – выразительно вскинув руку в сторону Инны, провозгласила Лена. – Теперь все приберет к рукам твоя васнецовская Аленушка на камушке!

– Да подождите, девочки, паниковать... Ничего же страшного не случилось! Да и не может Арсений поступить подло,

он не из таких... – тихо рассуждала Маша. – Вы знаете, мне что-то странное показалось в том, как он ее обнимал. Не как влюбленный мужчина обнимает женщину, а как-то по-другому... Как отец, что ли...

– Да что ж тут странного-то? – возмутилась Лена. – Он на двадцать лет старше ее! Она для него во всех ипостасях существует – и как женщина, и как ребенок. Слушай, Инна, а это идея! – быстро развернулась она к Инне. – Может, тебе срочно забеременеть?

– Ну да, вспомнила баба, як дивкой була! Мне скоро со-роковник стукнет! Тем более он уже месяца три ко мне не притрагивался!

– Как это? – ужаснулась Лена. – Ничего себе, как все запущено... А что ж ты раньше-то молчала?

– Да я думала, у нас такая гармония... Как в том анекдоте: ему не хочется, а мне и не надо...

– Вот двадцать лет тебя, Ларионова, знаю, а даже и предположить не могла, что ты такая наивная!

– Ой, Лен, хватит уже! Мне и так хреново, еще ты со своими оценками!

Инна наконец расплакалась, размазывая черные потоки туши по щекам. Лена виновато суежилась, совала ей в руки салфетку, что-то тихо приговаривая, гладила по плечам. Капризно отмахиваясь от Ленкиных жалостливых причитаний, Инна плакала того горше, будто подруга и была в этот момент ее главной обидчицей.

Маша молча сидела за столом, наблюдая за ними. Странное чувство овладело ею. Было оно сродни обыкновенному злорадству. Что ж, можно самой себе в этом признаться. Не человек она, что ли? Не женщина? И в то же время она искренне, по-бабьи жалела эту женщину, с которой, может, и не общалась бы никогда, не будь она женой Арсения. А может, это была злорадная жалость, если вообще такое чувство имеет место быть...

– Все, хватит рыдать! Пойдем умоемся. Лена обняла Инну за плечи, увела в ванную.

В кухню заглянула любопытная Варька, спросила шепотом:

– Мам, что-то случилось? Какое у вашей королевны горе?

– Иди, Варь, к себе... И не вздумай больше подслушивать! Не царское это дело, дочь!

– Да что я, маленькая, чтоб подслушивать? Я ж так, из женской солидарности, можно сказать... Да и интересно, отчего богатые тоже плачут...

– Варя!

– Все-все, ухожу-ухожу, простите-извините...

Инна вышла из ванной умытая, с опухшим от слез лицом.

– Мышь, дай косметику какую-нибудь... Пудру, тушь...

Не могу же я в таком виде на улицу выйти!

– Инна, я же не пользуюсь косметикой...

– Что, вообще? – ужаснулась Инна, внимательно разглядывая Машино лицо. – Надо же, никогда не замечала...

«Ты и меня-то никогда не замечала, смотрела всегда как на белую стену», – подумала Маша. Вслух же произнесла:

– Сейчас у Варьки попрошу... Варюша! – крикнула она в сторону комнаты, где сидела дочь. – Принеси тете Инне свою косметичку, пожалуйста!

Варька тут же появилась в дверях, держа в руке большую яркую сумочку с косметикой, с любопытством разглядывала Инну.

– Покажи, что у тебя там... – брезгливо сморщив губы, принялась рыться Инна в Варькиной косметике. – Боже, баракло какое... Я надеюсь, ты не на китайском рынке все это покупала?

Маша увидела, как вспыхнули на Варькином лице и без того яркие веснушки, сделала ей злые и умоляющие глаза, взглядом прося не хамить.

Варька вдруг широко улыбнулась, показав великолепные ровные зубы, заморгала наивно рыжими ресницами:

– Ой, а что это с вами, тетя Инна? Какая вы страшненькая, оказывается... Без слез и не взглянешь! А косметика у меня хорошая, французская. Родители на мою неземную красоту никогда не скупятся... Хотя зачем мне? Красоту, ее ведь никакой косметикой не испортишь, правда? Да вы берите, тетя Инна, не стесняйтесь. Вам-то надо...

– В кого ты такая хамка выросла, Варвара? Вроде мать твоя тише воды ниже травы... Про отца я вообще промолчу! – со злобой бросила ей Инна.

– А у меня все наоборот, по закону компенсации.

– Ладно, Варя, иди к себе! – вмешалась в этот опасный диалог Маша.

– Как ты ее плохо воспитала, Мышь! – не могла унять Инна. – Она меня совсем не уважает! Тоже, подружку нашла!

– Ладно, хватить на ребенка бочку катить! – заступилась за Варьку Лена. – Ты ж сама первая начала! Лучше подумай, что тебе дальше делать!

– А что мне делать? Я не знаю, что делать... – сникла Инна, вертя в руках коробочку с пудрой.

– Значит, так, – многозначительно помолчав, сказала Ленка. – Ведешь себя с ним как обычно. И никаких истерик, поняла? В глазах – только счастье и радость, и улыбайся пошире. Не спрашиваешь, куда пошел, откуда пришел да почему так поздно... И всячески демонстрируешь свою женскую слабость и никчемность. Только не переиграй, знаю я тебя... Ни в коем случае не дай ему понять, что ты знаешь про эту Алену. И болезнь себе какую-нибудь придумай покрасивше, поинтеллигентнее... Арсюша у нас мужик шибко порядочный, мы его за три рубля не отдадим! Самим пригодится. Я вот думаю, может, нам чуть-чуть ревности организовать? А, Мышонок, как ты думаешь?

– Как это? Какой ревности? – удивленно уставилась на нее Маша.

– Ну как, как... Вот звоню я, например, к Ларионовым домой. Арсюша берет трубку, а я ее кладу. Я снова звоню,

он снова берет, я опять кладу... А потом трубку берет Инка и разговаривает со мной, будто с мужиком – извините, мол, уважаемый, прекратите свои звонки, вы ж понимаете, я мужа люблю, и вообще, я не такая, я жду трамвая...

– А вдруг он, наоборот, обрадуется возможности кому-то меня сплавить? – испуганно проговорила Инна. – Нет, Ленка, такие игры – не вариант...

– Ну, тогда я не знаю... – развела руками Ленка. – Не хочешь в игры играть, можно действовать и более жесткими методами.

– Это какими? – насторожилась Маша.

– Какими, какими... Есть у меня парочка крутых знакомых, еще с детдомовской юности, из общества «синих», знаешь про такое? Так вот, эти ребята одним своим видом напугать могут, а если слегка прижмут – твоей Алене мало не покажется.

– Нет! И не думай даже! Нам еще уголовного кодекса в этом деле не хватало! Сами справимся! – остудила Ленкин пыл Маша.

– Да ладно, сами так сами... Но ты мне все равно эту Алёну покажи, мне жуть как интересно стало. Я на днях к тебе на работу заскочу, разведу обстановку. И вообще, время уже позднее, засиделись мы у тебя, Мышь... Давай, Ларионова, надевай улыбку на рожу да поезжай домой, поджидай своего верного любящего мужа, как и договорились. А кстати, вы не забыли, голубушки? – вставая из-за стола и направляясь в

прихожую, спросила она. – В субботу едем в деревню к моему Овсянке, баба Нюра нас ждет, пироги печь будет!

– А может, без меня? – заныла Инна. – Сама же сказала, чтоб я дома была, любимого мужа поджидала...

– Ничего страшного, поедешь, развеешься. Ты ж не просто так, ты ж ради подруги... Арсюша такие вещи понимает и приветствует! Так что жди, в субботу утром я за тобой заеду!

Маша по традиции расцеловалась с Ленкой, улыбнулась вежливо на Иннино небрежное помахивание рукой, закрыла входную дверь, вернулась на кухню. Вскоре туда же притащилась Варька, села за кухонный стол, сложив ручки одна на другую, как прилежная первоклассница.

– Ругать будешь? – спросила тоном напраказившего ребенка, хлопая рыжими ресницами.

– Да нет, разве такую хорошую и вежливую девочку можно ругать? – в тон ей ответила, улыбаясь, Маша.

– Вот объясни мне, мам, одну вещь... – заговорила Варька задумчиво. – Когда тебя тетя Лена Мышонком называет, это воспринимается просто как производное от твоего имени, по-дружески, тепло и ласково. А у тети Инны ее обращение «Мышь» звучит так, как будто ты и в самом деле противная серая мышь, на которую и смотреть-то неприятно, не то что с ней разговаривать.

– Не знаю, дочь... Я уже привыкла, не замечаю даже...

– Мам, а зачем к этому привыкать? Какая в этом необ-

ходимость? Что, если ты не будешь дружить с тетей Инной, дядя Арсений тебя выгонит с работы? Допустим, даже если и выгонит, ты больше другой работы себе не найдешь, что ли? Вот не понимаю я! Просто не могу смотреть на эту вашу фоновую дружбу!

– Какую-какую дружбу, не поняла? – развернулась Маша к дочери от раковины, где мыла посуду, удивленно на нее уставилась.

– Ну, это когда вся дружба строится на том, что один для другого составляет выгодный фон. Тетя Инна же на всю катушку отрывается, будто демонстрирует всем: смотрите, люди добрые, с кем мне, такой неземной красавице и гламурнице, приходится дружить! С серой мышью! Позор! Пожалейте меня, люди добрые!

– Ну, это уже преувеличение, дочь. Аллегория. Ты у меня фантазерка, мыслишь образами. Мы дружим втроем уже сто лет, привыкли друг к другу, да и поздно в моем возрасте друзей менять...

– Не знаю, мам, лукавишь ты что-то. Вот чувствую – лукавишь, а где собака зарыта – понять не могу!

Маша не успела ей ничего ответить, да, собственно, и не знала, что ей ответить. Хлопнула входная дверь, Варька подскочила со своего стула, помчалась в прихожую. В кухню вошел улыбающийся Семен, неся ухватившую его за шею Варьку, ласково приговаривая:

– Смотри, Маш, скоро девку замуж отдавать, а она все на

шее виснет...

– Да ну его, этот замуж, я с вами жить буду!

– Накорми лучше отца, чем глупости-то говорить, – улыбаясь, сказала Маша. – Устала я сегодня что-то... Пойду спать лягу.

Она медленно развязала фартук, проходя мимо дочери, поцеловала в рыжую макушку. Уже лежа под одеялом и вспомнив Варькино «лукавишь, мам...», наконец дала волю слезам. Хорошая моя, умная рыжая девочка! Я и сама не пойму, как это со мной случилось. Наказана я любовью, как тяжелой болезнью. Нет от нее спасения, и лекарств, чтобы вылечиться, тоже никто пока не придумал. Одно лекарство только и есть – всегда рядом быть. Хоть как, любым способом. Хоть сбоку припеку, но – быть. Потому и буду дружить с кем угодно, хоть с чертом лысым...

– Да как это вы не помните, я же рассказывала! – сердилась Ленка то ли на сидевших в машине Машу с Инной, то ли на выбоины и ямы на узкой проселочной дороге. – Наш Овсянка – это сын бабы Нюры, нянечки из детдома! Она меня с ним и познакомила! Он бывший моряк, а сейчас реставратором заделался, нынче всех на творчество потянуло... С женой развелся, живет теперь с бабой Нюрой, иконы реставрирует. Ну, в общем, с большими тараканами мужик, конечно, тут уж ничего не поделаешь. Зато тихий и спокойный. Если ему перышки почистить, очень даже ничего смотреться бу-

дет!

– Нуда, конечно, – саркастически усмехнулась Инна. – Овсянку сколько ни украшай, она все равно овсянкой останется!

– Ладно, королева ты наша английская, не очень-то там выступай... И вообще, я тебя предупредить хочу: баба Нюра женщина простая и добрая, и не вздумай перед ней рожи презрительные изображать!

– А я ее помню, Ленк... – тихо вступила в разговор сидевшая на заднем сиденье Маша, – помню, как она в общагу к тебе приходила. Только она и тогда уже в солидном возрасте была, а сейчас, наверное, совсем старенькая? Я помню, как она плакала, когда уходила, как тебя обнимала...

– А она ко многим ребятам ходила. И сейчас ходит. А к Димке Андрееву даже в колонию на свиданку ездила, я ей денег на дорогу да на продукты давала. Сейчас, Мышонок, такие бабы Нюры уже все повывелись... Так что считайте, девки, что у вас сегодня особенный день – с редким видом человека познакомитесь! Вымирающим, так сказать. Странно, да? Люди придумали заносить редкие виды животных и растений в Красную книгу, а про себя забыли! Да шучу я, шучу, Ларионова, не тарашь на меня свои прекрасные голубые глаза! Лучше скажи, как наш Арсюша?

– Да все так же... Приходит – молчит, уходит – молчит...

– Плохо. Мышонок, а на фирме как дела? Докладывай обстановку на фронте.

– Да чего там докладывать, мой генерал, на нашем фронте тоже все как будто хреново! Вчера после обеда ни его, ни Алены уже и близко не наблюдалось, вместе свалили, как пить дать! – на одном дыхании протараторила Маша, изо всех сил стараясь придать голосу грубые хрипловатые Ленкины интонации.

– Ладно, Мышонок, один ноль в твою пользу, – грустно рассмеялась Ленка, – очень похоже меня изобразила! Ладно, про Арсюшу сегодня говорить не будем. Сегодня у нас на повестке дня устройство моей личной жизни. Подъезжаем, девочки...

Ленка остановила машину у небольшого деревенского дома в три окна с палисадником, зазывно посигналила. Потом первая выскочила из машины, открыла низкую калитку. От крыльца к ней торопливо, раскинув руки, ковыляла баба Нюра, с трудом переставляя тяжелые ноги в смешных остроносых резиновых калошах, седая, простоволосая, в длинной шерстяной кофте с вытянутыми карманами.

– Аленушка, красавица моя писаная, наконец-то собралась ко мне... – одышливо запричитала старушка, обнимая и целуя Ленку.

– Надо же, Аленушка... – тихо пробормотала Инна, обращаясь к Маше. – И Ленка тоже – Аленушка! Никуда от этих Аленушек не денешься, что за жизнь... Плюнь – непременно в Аленушку попадешь...

– Что ты там бормочешь, жаль моя? – со смехом оберну-

лась к ней Ленка. – Познакомься лучше! Вот, девчонки, это и есть баба Нюра...

– Здравствуйте, девоньки! – смешно поклонилась им оплывшим станом старушка.

– Это Инна, а это, стало быть, Машенька. Вот, приехали твоих знаменитых пирогов отведать.

– Ну скажешь тоже, доча... Какие такие мои пироги! – засмушалась старушка, ласково оглядывая Машу с Инной. – Проходите, девоньки, в избу, сейчас обедать будем... Саша! Дай гостям умыться с дороги!

Навстречу им по большому двору, сплошь поросшему кудрявой аптечной ромашкой, шел высокий худой мужчина в тренировочных штанах с лампасами, в клетчатой рубашке навывпуск. Длинные русые волосы его были забраны в жидкий хвостик, глаза улыбались приветливо.

– Здравствуй, Саш... Познакомься, подруги мои. Это Инна, а это Маша...

Рука у Саши была большой, сухой и теплой. «Не нервный, значит», – отметила про себя Маша. Уже хорошо. И выражение лица приятное. Ей даже показалось, что видела его где-то раньше, даже как будто знакома была. Это чувство преследовало ее и позже, когда они сели за стол и выпили по первой за знакомство, потом по второй за встречу. «Нет, показалось, – убеждала она себя. – Просто энергетика у него теплая, как парное молоко, вот и кажется, что сто лет знакомы...»

А пироги у бабы Нюры оказались действительно необыкновенными. Особенно поразил ее пирог с рыбой, который, оказывается, нельзя было резать ножом, а полагалось полностью снимать румяную верхнюю корку и брать себе на тарелку рыбу, запеченную внутри целиком, вместе с зеленым луком, перцем, лаврушкой... И заедать эту рыбу надо было верхней и нижней корочками, которые опять же полагалось не резать, а рвать руками, обжигаясь и вскрикивая. Вкусно...

Даже Инна, считавшая себя стопроцентной эстеткой, уплетала за обе щеки рваные пироговы корочки, облизывала пальцы, громко смеялась прибауткам бабы Нюры, раскрасневшейся от полрюмки водки и довольной своим триумфом стряпухи.

– Ешьте, девоньки, ешьте... В городе вашем никто таких пирогов не напечет. Сейчас еще шаньги со сметаной подойдут, у меня к ним молоко парное есть, у соседки утром взяла.

– Нет, шаньги я уже не осилю, баба Нюра... – откинувшись на спинку стула, засмеялась Инна. – Шаньги – это мы потом...

– Осилишь, молодуха, осилишь! Вон ты худая кака, как коза моя Манька! Негоже бабе без мяса жить, наедать надо, не то мужик разлюбит!

– Вот! – засмеялась громко Инна, с вызовом глядя на Лену с Машей. – Вот чего мне в жизни не хватает! Мяса на ребрах! А вы развели стратегию с тактикой, тоже мне... Все просто, оказывается!

– Ну так и в чем проблема, подруга? Пробуй, экспериментировать. Все в твоих руках! – широко развела руками Ленка.

– А может, девочки, в этом и есть сермяжная правда, а? – перестав смеяться, грустно рассудила Инна. – Была б я толстой, старой, неухоженной, может, тогда бы он не посмел? Старых толстых жен, наоборот, жалеют, даже анекдот на эту тему есть. Как там, я забыла... Что-то про чемодан без ручки: и выбросить жалко, и использовать нельзя...

Саша понимающими грустными глазами смотрел на Инну, молчал, не участвуя в разговоре. «А ведь ему наверняка есть что сказать... – думала Маша, исподтишка наблюдая за ним. – Вон какое лицо умное да грустное. И совсем он на овсянку не похож...»

Постепенно у Ленки и Инны, разморенных едой и выпитой водкой, стали слипаться глаза.

– Баба Нюра, мы поспим немножко, ты не возражаешь? – вставая из-за стола, сказала Ленка.

– А и правда! Идите в горницу, поспите...

– В горницу – это куда? На сеновал, что ли? – удивленно вытянула разомлевшее лицо Инна.

– Да сама ты сеновал, дурында! – громко расхохоталась Ленка. – Горница – это просто комната по-деревенски. Вставай, пойдем на часок завалимся!

«Ага, завалимся! А мне, как обычно, придется посуду мыть? – обреченно подумала Маша, глядя на разоренный стол. – И когда я уже научусь эту водку, наконец, пить? Сей-

час бы тоже на заслуженную сиесту отправилась...»

Неожиданно до нее донесся восторженный Иннин визг. Подскочив со стула, она вместе с бабой Нюрой заторопилась в горницу. Инна, барахтаясь в высокой мягкой перине, хохотала так громко и заразительно, что снова пришлось пожалеть о своих трезвых привычках.

– Что это? Я думала, это кровать такая высокая... Я и легла, как на кровать! И провалилась, смотрите! Боже, как здорово!

– Так это перина, девонька... У вас в городе, поди, уж никто таких и не держит... – глядя на нее, засмеялась и баба Нюра. – Хорошая, хорошая перина! Сама собирала, перышко к перышку. Поспи сладко, может, какой жирок и завяжется!

С визгом запрыгнула на перину и Ленка, совсем утопив в ней смеющуюся Инну. Набарахтавшись вдоволь, они наконец затихли. Ленка махнула рукой – ступайте, мол, отсюда. Не мешайте сонным удовольствиям предаваться.

Вздохнув, Маша вернулась на кухню, собрала тарелки. Деревенский процесс мытья посуды обещал быть долгим – в одном тазу мыть, в другом полоскать, потом перетирать полотенцем насухо. Медленно, никуда не торопясь. А вообще – ничего. Умиротворяет даже. Голова отдыхает, руки работу делают. В маленькое кухонное оконце видно, как ходит по двору туда-сюда Саша, таскает на коромысле тяжелые ведра с водой.

– Баньку для вас готовит... – проследив за ее взглядом, сказала баба Нюра. – Хороший он у меня, спокойный да работающий. Золото, а не мужик. Не пьет, не курит... А вот не заладилось чего-то с женой, ко мне приехал... Спрашивать начинаю – молчит. Может, с Аленушкой у них сложится, а? Как ты думаешь, девонька?

– Не знаю, баба Нюра... Может, и сладится.

Перемыв всю посуду, Маша вышла во двор, ступила бо-сой ногой на кудрявую ромашку. Тихо прошла по узенькой тропинке в огород, огляделась.

Вокруг покосившейся изгороди гордо высились толстые стебли репейника вперемежку с подрастающим подсолну-хом, дальняя полянка в конце огорода вся взялась желтой су-репкой да иван-чаем. Высокие грядки сплошь заросли сор-няками, давно уже требовали прополки. Маша наклонилась, раздвинула руками стебли лебеды, разглядела хилые, вылез-шие из земли аккуратные пушистые ряды ростков моркови, принялась освобождать их из плена. Прополола всю грядку, встала, полюбовалась. Красиво...

Склонившись над следующей грядкой, услышала сзади тихие шаги, обернулась. За ее спиной стоял улыбающийся Саша.

– Машенька, вы как Золушка... Пока мачеха спит, надо разобрать фасоль, отделив черную от белой, посадить семь розовых кустов...

– И подумать о смысле жизни, – смеясь, подхватила Ма-

ша. – Что ж вы, принц, свой огород так запустили? Ни одна Золушка не справится!

– Да, каюсь, запустил...

Саша присел на корточки напротив, стал полоть ту же грядку.

– А вы, Маша, совсем не похожи на своих подруг. Молчунья.

– Да вы тоже, я вижу, красноречием не страдаете.

– Хм... Как вы хорошо это сказали – не страдаете... Да, теперь не страдаю. А раньше было дело, страдал. И еще как. И красноречием, и карьеризмом, и желанием обязательно быть кем-то. Очень хотелось обозначиться, знаете ли. Пыжился, суетился изо всех сил. Потом прошло.

– Почему? У вас что-то случилось? Извините, может, я бестактный вопрос задаю...

– Да нет. Ничего особенного не случилось. Просто скучно стало. Враз. Холодно и скучно.

– Депрессия напала?

– Нет, что вы... Просто я философствовать много начал. Знаете, что является отличительной чертой несчастливового человека?

– Что? – с интересом спросила Маша, подняв на него глаза.

– Он начинает философствовать. Счастливые люди просто живут в своем бытии и ни о чем не думают, а несчастные начинают кропотливо засовывать в рамки приличия свою

неудавшуюся жизнь. Все жаждут ответа на вопрос: за что? И самое интересное – находят... Вы не замечали?

– Может быть... – задумчиво произнесла Маша.

– Вы знаете, я очень долго считал себя абсолютно счастливым человеком. Как же – у меня цель была... Хотел добиться любви женщины. Все силы на это положил, всю молодость. Суетился перед ней, доказывал, что я личность, что меня любить можно... Когда очень долгое время любишь одного человека, которому твое драгоценное чувство и не нужно совсем, силы из тебя быстро уходят. Вот тут-то пресловутый комплекс неполноценности и вцепляется в тебя, и начинаешь себя критиковать и анализировать: что с тобой не так, почему тебя не любят... Опасная штука, я вам скажу! Никому такого не пожелаю.

– Но любовь без взаимности – это ведь тоже любовь... – робко попыталась вставить Маша.

– Нет! – с тихой какой-то яростью продолжил Саша. – Это вам так кажется! Это в женских романах неразделенная любовь овеяна флером романтики, а на самом деле – обыкновенная бытовая мука, уж поверьте мне!

– Да я верю, верю...

– Я ведь рано женился, глупым был, несмышленищем. Встречались всего две недели... А когда моя любимая девушка с ходу согласилась выйти за меня замуж – в облаках летал от счастья, на руках носил... Это потом, позже уже, понимать начал – не любит она меня, терпит изо всех сил.

Вот и поставил себе великую цель – выслужить любовь. Чтобы она увидела, какой я на самом деле необыкновенный и значительный.

– Выходит, не выслужили, раз сбежали?

– Не выслужил. Да и ей, наверное, вся моя суета не в радость была. Жила со мной – как черновик писала: вот-вот, и начнется все набело, по-настоящему... Всегда поверх моей головы кого-то выглядывала. А уходил – чуть в ноги не бросилась, умоляла остаться. Странные вы существа, женщины. Я ее до сих пор люблю...

– Саша, а как же Лена?

– Я очень хорошо к ней отношусь. И сделаю все, чтобы она была счастлива. Ей ведь нелегко в жизни пришлось... Да вы и сами знаете, чего я вам объясняю.

– А как вы думаете, она вас любит?

– Да нет, конечно, бог с вами. Просто так честнее получается, вам не кажется? Мы оба знаем, чего хотим...

– Не знаю, Саша. Я думаю, что иметь возможность постоянно находиться рядом с любимым человеком – это уже счастье.

– Нет, Машенька, к сожалению, это не так. Это счастье с годами в такую муку превращается, что не знаешь, как от нее избавиться! Один только способ и остается – бежать сломя голову...

– Да? А мне кажется, что огромное количество мужчин и женщин, тех, кто безответно любит, позавидовали бы вам.

Честное слово! Да многие полжизни бы отдали за возможность жить с любимым! Потому что это же ваша любовь, сладкий тяжелый крест, Богом данный, и нести его надо до конца, а не сбрасывать с плеч на полдороге!

– Я тоже думал об этом, Маша. Только смысла нет в такой жизни. Я лучше буду любить на расстоянии. Это ведь тоже крест, только он, пожалуй, еще тяжелее.

– Да, наверное, тяжелее... На расстоянии – это тяжелее, – грустно согласилась Маша, выпрямляясь во весь рост и рассматривая свои грязные от травы руки.

– А насчет Лены вы не сомневайтесь. Я буду ей хорошим мужем. В ее понимании, конечно. Буду надежным тылом, верным другом, защитником. Она хочет построить свою семью, как строят новый дом – все рассчитать, ничего не упустить, все правильно спланировать, не выбиться из графика сдачи объекта... Она все это получит. Многие семьи так живут, и ничего, не мучаются!

– Нет, Саша, не согласна я с вами. Не убедили вы меня.

– Это потому, что у вас все хорошо. Не были вы в моей шкуре!

– Да откуда вы знаете?!

– Лена рассказывала мне и о вас, и об Инне. Вы знаете, она вам обоим очень завидует. Куда ж от нее денешься, от зависти? Глядит на вас, и все время ей кажется, что она ущербна. У вас есть семьи, а у нее нет. Так что любим способом, но она должна взять эту планку, и все тут! И никто ее в обрат-

ном не убедит! Так что наш брак будет абсолютно честным, не сомневайтесь!

– Где ж тут честность? Ее-то сердце свободно, а вы до сих пор свою жену любите!

– Вот она мне и поможет ее разлюбить!

– Ну дай бог, чтобы так и было, Саша... Я ведь совсем не против. Скорее даже наоборот!

– Ой да ты моя девонька-помощница! – услышала Маша голос бабы Нюры за спиной. – Да неужто ты мне все грядки переполола? Ой спасибо тебе, доча! А то мне уж совсем невмочь самой-то...

Они втроем вернулись во двор, где в тени большой яблони на столе из толстых, почерневших от времени досок стоял огромный старинный самовар.

– Он что, настоящий? – удивилась Маша.

– Ну а какой же еще! И самовар настоящий, и вода ключевая, и чай с травами я заварила...

– У мамы здесь все настоящее, не то что у меня... – грустно усмехнулся Саша, садясь за стол. – Вот попьем чаю, а после я вам, Машенька, свои иконы покажу. Тоже настоящие, старинные. Мне их на реставрацию из всех окрестных деревень несут.

– Скоро девки проснутся, как раз и банька протопится! Ох уж я вас напарю! У меня свои секреты есть, выйдете из баньки молодешеньки, здоровешеньки! Пойду сейчас травы запарю да меду из погреба достану...

Баба Нюра, переваливаясь тяжелой утицей, заковыляла в сторону дома.

– Старенькая совсем стала... – задумчиво проговорил ей вслед Саша. – Вижу, переживает из-за меня. А как ей объяснишь, почему я от жены сбежал? Не поймет. Она-то умеет всех любить одинаково, не требуя к себе ответной любви. Сколько она своим детдомовцам помогала, каждого облизать была готова. Последнее отдаст, если попросят... А ведь никто, кроме Лены, и не вспоминает о ней. Хотя чего с детдомовца требовать? Для него эта любовь как дождевая капелька, без самого дождя ничего не значащая...

На крыльцо, потягиваясь, вышла заспанная Ленка. Потрясла головой, отгоняя дурман похмельного сна, медленно пошла по траве к столу с самоваром.

– Саш, налей мне чаю покрепче! Голова раскалывается.

– Ну да, кто ж пьет водку в такую жару! – наливая в чашку пахучую заварку и сочувственно глядя на Ленку, произнес Саша. – Ничего, сейчас в бане из тебя все похмелье выйдет!

– Не хочу я в баню! Принеси мне лучше мою сумку из дома, у меня там аспирин есть.

Саша безропотно поднялся со стула, пошел в дом.

– Мышь, ну как он тебе? – торопливо спросила Ленка.

– Ой, Лен, не знаю... Ты же с ним жить собралась, а не я.

– Ну хоть первое впечатление какое? – не унималась Ленка.

– Да нормальное впечатление. Мужик как мужик, грядки

полоть умеет...

– Какие грядки?

– А пока вы с Инной спали, мы с ним успели весь огород бабе Нюре прополоть!

– Ну, Мышь, ты даешь! – звонко расхохоталась Ленка. – Как всегда, в своем репертуаре! Везде себе занятие сыщешь, прямо семиделка какая-то!

Ленка взяла у возвратившегося Саши свою сумку, достала упаковку с аспирином. Запила таблетку чаем, посидела молча, прислушиваясь к себе.

– И как? Помогает? – заботливо спросил Саша. – Может, все же лучше в бане попариться?

«Какая нарочитая забота, неестественная... – грустно подумала Маша, глядя на них. – Нет, все-таки нельзя ничего в жизни устроить искусственно. А тем более семью. Так и будет бедный Саша изображать заботливого мужа, а Ленка – раздражаться, терпеть, злиться, обзывать его овсянкой... О боже! А сама я! Тоже часто на Семена злюсь! Только он-то меня любит, я знаю. А тут – обоюдное притворство, вдвойне несчастливое. Жалко Ленку...»

А баня у бабы Нюры действительно оказалась необычной. Они втроем разместились на широком полке, и старушка, поддав хорошенько на каменку и ловко орудуя двумя пихтовыми вениками, под дружный визг от души похлестала их по голым телесам, приговаривая:

– Терпите, терпите, девки, сейчас еще поддам... У меня

пар хороший, с мятой, с душицей, чуete, какой дух идет?

Потом они отдыхали, развалившись на широченной скамье предбанника, обмазанные с головы до ног липовым медом, пили бабы-Нюрин терпкий ядреный квас. И снова парились до одурения, с визгом обливали друг друга ключевой водой, балуясь и смеясь, как малые девчонки. Под конец, опять загнав на полок, баба Нюра обложила их толстым слоем запаренной в большом чугушке травы, как живым одеялом. Шел от него такой здоровый дух природной силы и радости, что им казалось, будто и в самом деле они выйдут отсюда юными феями, гладкими и красивыми, без первых морщинок и лишних складочек, от которых в сорок лет уже никуда и не денешься.

Домой собрались уже затемно. Прощаясь, баба Нюра всплакнула. Потом, всплеснув руками, заторопилась в дом – про гостинцы забыла. Пришлось принять от нее пакеты с пирогами, чтоб не обидеть, не дай бог. Саша, отведя Ленку в сторону, трогательно целовал ее в щеки, в лоб, гладил по волосам, прижимая ее голову к груди, как будто перед ним была не циничный адвокат Найденова, а хрупкая женщина-цветочек, которую и на шаг от себя отпустить страшно. Ленка стояла закрыв глаза, блаженно улыбалась. «Кто его знает, может, он и прав... – подумалось Маше. – Может, действительно, так честнее. Каждый должен получить от другого то, чего ему не хватает. Наверное, осталось в этом мужчине столь много невостребованной нежности, что Ленка будет

годами есть ее полной ложкой и никогда ею не насытится, как не может до конца наестся вкусной домашней едой – все в нее влетает, как в прорву, образовавшуюся за долгие детдомовские годы...»

– Ну, рассказывайте, как вам мой жених, – потребовала Ленка немедленного отчета, как только отъехали от дома. – Действительно овсянка без соли и сахара или я ошибаюсь?

– Да нет, он не овсянка, Лен, далеко не овсянка... – тихо произнесла Маша с заднего сиденья в Ленкин затылок. – Знаешь, даже юродствовать на эту тему не хочется. Слишком уж цинично получается. Извини...

– Ой, а я и не поняла ничего! Даже и не присмотрелась толком! – запоздало спохватилась Инна. – Сначала напилась, как идиотка, потом уснула, потом в бане парились... Но ты знаешь, Ленк, если его одеть, причесать, кое-где кое-что слегка подкорректировать – вполне ничего получится!

– Да в том-то и дело, что это самое «ничего» и получится! – грустно констатировала Ленка. – И не надо меня упрекать в излишнем цинизме, Мышь! Идеалистка ты хренова! Я же серьезно к вопросу подхожу, иначе не умею. Жизнь так научила.

– Извини, Лен.

– Да ладно, я не к тому! Я вот думаю, что не для моей закрученной жизни этот мужик... Конечно, хорошо, когда приходишь домой, а там ждет живая душа с тапочками, с ужином, с лаской. Но это ж, простите, женская функция, в

конце концов! С тапочками дома ждать!

– А тебе только такого и надо! Потому что ты по природе добытчица. А он будет домашний очаг поддерживать! – не унималась Инна.

– Да откуда ты знаешь про мою природу! Я и сама-то ничего про нее не знаю! Вон даже своей Катке не могу путного совета дать: то ли ей замуж выходить, то ли модельную карьеру продолжать... Вроде девка в гору идет, контракт какой-то охрнительный ей предложили, а жених – ни в какую! Или замуж, говорит, или карьера...

– А жених-то хоть стоящий?

– Да хороший жених. Бизнесмен из нынешних. Из тех, которые на Западе выучиться успели и теперь сюда пачками едут с великими целями – как бы им Россию получше обустроить.

– Тогда, конечно, замуж, чего тут думать! – развела руками Инна.

– Ну да. А в сорок лет вздрагивать по поводу каждой секрешки, как ты!

Инна грустно замолчала, отвернувшись к окну. Потом порылась в сумке, достала мобильник, набрала номер, долго ждала ответа.

– Арсюша, это я... А мы с девочками уже домой едем! Ты дома?... Как – нет? А когда придешь? Да?... Ну ладно...

Бросив телефон обратно в сумку, она прижала кулак к губам, снова отвернулась к окну, начала жалостно всхлипы-

вать, как несправедливо обиженный ребенок.

– Да ладно, не дрейфь, Ларионова, прорвемся! – бодрым голосом успокоила ее Ленка. – Не отдадим нашего Арсюшу за таблетку малолетке, еще чего! Самим пригодится. Так ведь, Мышонок?

– Не отдадим, конечно! – поддержала ее Маша.

– Слышь, Мышонок, я к вам на фирму на неделе наведаюсь, как обещала. Посмотрю на все своими глазами, чего да как. С Аленой этой вашей пообщаюсь...

– Вы знаете, девочки, мне так хочется ему истерику закачать, навизжаться от души! Так хочется, если б вы знали! Прямо язык чешется!

– Ну да, и эта истерика будет для тебя последней, уж поверь мне! – объезжая очередную колдобину, медленно проговорила Ленка.

– А вдруг она от него забеременеет? – округлив глаза, с ужасом спросила Инна, отвернувшись от окна.

– Ну если она умная, в отличие от тебя, то, конечно, забеременеет. Как нечего делать! И даже обязательно!

– Ой, Ленк, не пугай меня. Конечно, я глупая. Знаешь, до сих пор не понимаю, отчего во мне материнского инстинкта не проснулось. Арсюша всегда ко мне как к глупому ребенку относился, поэтому, наверное... Вы же помните, как он с первого дня меня опекал, заботился, как любил меня... Вот я и решила, что это навсегда. Так из роли маленькой капризульки и не выбралась...

– Ну, знаешь, сорокалетняя капризулька – это уже даже не смешно, это скорее очень грустно... Проворонила ты, Инка, нужный момент, чего уж там!

– Ну почему, бывает же, когда и до самой старости любят, и без детей...

– Бывает-то бывает, а голову на плечах иметь надо! – не унималась Ленка. – Вот посмотри на Мышонка – уж как Семен ее любит, чуть ли не с пеленок! А Варьку она быстренько родила, подсутилась.

– Ой, ну чего ты сравниваешь! – вскинулась Инна. – Тоже мне, поставила в один ряд меня и Мышь, Арсения и Семена... Да я бы с Мышкиным мужем, простите, на одно поле нужду справить не села!

– Да? – повернувшись к ней, спросила Ленка, злобно сузив глаза. – В один ряд, говоришь? Да ты скоро вообще из всех рядов вылетишь, будешь десятый хрен глодать, вприкуску с амбициями своими! А Машка будет жить припеваючи! Может, когда и тебя пустит на свое поле нужду справить...

– Лен, ну не надо так, зачем ты? Она ж не со зла... – вступилась за Инну Маша.

– А ты помолчи, мать Тереза! Зачем терпишь? Давно бы уже ей в глаз дала! За тебя же обидно, дурочка...

– Девочки, ну что мы ссоримся? – миролюбиво продолжила Маша. – Ладно вам... Лучше расскажи нам, Ленк, про второго своего претендента на руку и сердце. Если у тебя

Саша – Овсянка, то кто есть, интересно, Копченая Колбаса?

– Да так, адвокат один знакомый... Вальяжный такой мужик, фактурный, цену себе знает.

– А почему неженатый? – с интересом спросила Инна. – С ним что-то не в порядке?

– Да все у него в порядке! Просто долго с мамой жил, а той все невесты не нравились. Вот он и скакал по бабам, и не там, и не здесь... А полгода назад мама умерла. Он и остался не при делах – глаз горит, постельного опыта хоть отбавляй, а семейного – никакого.

– Бабник, значит, – с уверенностью констатировала Инна.

– Конечно бабник. А ты как думала? – рассуждала будто сама с собой Ленка. – Зато тем для обсуждения у нас будет хоть отбавляй, настоящий клуб по интересам... А на мелкие шалости можно и глаза закрыть! Вообще, он знойный мужик, сами увидите!

– Ой, а ты пригласи его в следующий выходной к нам на дачу! – подпрыгнув на сиденье, повернулась к ней Инна. – И Мышь с Семеном и с Варькой пусть приедут, и Катьку свою захвати! Тогда и Арсюша не посмеет к своей нимфетке смотреть... А что? Хорошая идея!

– Там видно будет... – задумчиво произнесла Ленка, выруливая с проселочной дороги на трассу, ведущую в город.

Пошел мелкий холодный дождь. Маша закрыла окно, откинулась на сиденье и задремала. «Бедный, бедный Саша... – подумалось ей сквозь сон. – И не знает даже, что у

него конкурент есть – знойная Копченая Колбаса называется... И почему среди стольких хороших людей нет ни одного счастливого человека? Прямо напасть какая-то...»

В среду Ленка фурией ворвалась в Машин кабинет, упала в кресло, обмахиваясь схваченным со стола и подписанным договором, над которым Маша старательно корпела все утро.

– Фу, жара какая...

– Леночка, вот этот проспектик возьми, а договор дай мне сюда, пожалуйста...

– Да на, возьми свою бумажку, подумаешь!

Поворачиваясь всем корпусом к Маше, Ленка вдруг заметила тихо сидящего в своем углу и удивленно ее рассматривающего Аркадия.

– О! А кто этот юноша бледный со взором горящим?

– Познакомься. Это Аркадий, мой помощник... – церемонно представила Маша. – А это Елена Александровна, моя ближайшая подруга, очень хороший адвокат!

Аркадий чинно встал из-за стола, подошел к Ленке, взял ее лежащую на ручке кресла руку, наклонившись, поднес к губам.

– Очень приятно, Елена Александровна. Рад знакомству. Визитку не оставите?

– О-о-о! Это для каких же целей? – игриво спросила Ленка.

– Для деловых, конечно! – стараясь ей подыграть, ответил

Аркаша. – На другие цели рассчитывать не смею...

– Так будьте смелее, о юноша скромный! – вовсю резвилась Ленка, кокетливо заправляя за ухо упавшую на щеку прядь светлых волос.

– Лен, чай-кофе будешь? – спросила Маша, вставая из-за стола и подходя к чайнику.

– Нет, лучше сразу потанцуем. У меня времени в обрез... Арсюша на месте?

– Час назад был.

– Тогда пошли!

Ленка по-хозяйски открыла дверь в приемную, вошла, плюхнулась в кресло для посетителей. Не торопясь, картинно закинула ногу на ногу, уперлась локтем в колено и, красиво поддерживая рукой вздернутый подбородок, уставилась на Алену.

– Вы по какому вопросу? – холодно обратилась к ней девушка. – Арсений Львович очень занят и вряд ли вас примет.

– Да что вы говорите! Как интересно! Ну-ну...

– Это по вашему вопросу? – переведя взгляд на стоящую рядом с креслом Машу, спросила Алена. – Если так, то объясните человеку, что директор занят, мне не хочется повторять дважды!

– А вы все-таки повторите, девушка, – снисходительно посоветовала Ленка. – Нажмите вон на ту кнопочку и скажите своему очень занятому директору, что к нему адвокат Найденова изволила быть, собственной персоной.

После слова «адвокат» тень сомнения пробежала по красивому лицу Алены. Нехотя развернувшись, она нажала-таки на кнопку селектора.

– Арсений Львович, к вам адвокат Найденова...

Через секунду дверь кабинета открылась, явив им улыбающегося во весь рот Арсения.

– Ну здравствуй, дорогой... – потянулась к нему всем корпусом из кресла Ленка, сложив губы в трубочку. Послушно наклонившись, Арсений подставил щеку для поцелуя. Чуть придержав его за затылок, Ленка произнесла с большой долей заботливой интимности в голосе: – Плохо, плохо выглядишь... Работаешь много, что ли? Мне тут сказали, что ты сильно занят...

– Для адвоката Найденовой я всегда свободен, в любое время суток! Пойдемте, девочки, у меня «Хеннесси» есть...

– Мне, пожалуйста, кофе, – обратилась Ленка к Алене уже от двери кабинета, – только ни в коем случае не растворимый, обязательно со сливками и без сахара. Запомнили? Не с молоком, а со сливками!

– Ну что, рассказывай, адвокат Найденова, как жизнь? – разливая по маленьким рюмочкам коньяк, спросил Арсений. – Замуж не вышла?

– Так я как раз по этому вопросу и пришла, Арсюша! – воскликнула Ленка, доставая из сумки сигареты и ища взглядом пепельницу. – Что-то секретарша у тебя нерадивая попала, даже пепельницы на столе нет... И злющая такая, глав-

ное! Чего злиться-то теперь? Ну не дал Бог ни таланта, ни извилины стоящей, что ж поделаешь...

– Лен, ты по другому вопросу, сама сказала... – осторожно напомнил Арсений, ставя перед ней пустую пепельницу.

– А, ну да. Вот что, Арсюша... Хочу вас всех в воскресенье познакомить с претендентом, так сказать, на мои руки и сердце. Ты не против, если мы смотрины на вашей даче устроим? На нейтральной территории как-то проще... Он мужик крутой, известный в городе адвокат, со связями, и тебе такое знакомство полезно будет!

– Да ради бога, Ленуся! Могла и не спрашивать! Лишь бы тебе хорошо было! Только учти, мы тебя за плохого не отдадим! Правда, Мышь?

– Правда... – улыбаясь, сказала Маша, вертя в руках так и не выпитую рюмку с коньяком.

В открывшуюся дверь кабинета тихо вплыла Алена с подносом, на котором стояли красивые кофейные чашки, сахарница, тонкий высокий кувшинчик со сливками, корзиночка с печеньем. Мило и приветливо улыбаясь, поставила перед Ленкой чашку с кофе, взяла в руки кувшинчик, наклонила над чашкой.

– Скажете, когда будет достаточно? – спросила ласково, тонкой струйкой наливая сливки в кофе.

– Спасибо, хватит... – так же мило улыбаясь, в тон ей ответила Ленка.

Еще раз одарив всех улыбкой, слишком любезной, чтобы

быть хоть чуточку искренней, девушка медленно и красиво пошла к выходу. Ее длинная строгая коса горделиво покачивалась маятником из стороны в сторону, стройные тоненькие ножки старательно, по-модельному искривляясь, ступали шаг в шаг. Странно – выглядела она в этот момент действительно хрупкой, немного обиженной, но гордой девчушкой, которую хочется защитить, прижать к плечу, по голове погладить...

Они посидели у Арсения еще немного, потом Ленка, взглянув на большие настенные часы, резво соскочила со стула, заторопилась к выходу:

– Ну все, пока, Арсюша, до скорой встречи! Смотри не подведи меня, на воскресенье ничего больше не планируй!

– Я провожу... – остановила Маша собравшегося было идти за Ленкой Арсения.

– И как тебе Алена? – спросила Ленка нетерпеливо, как только они вышли из приемной.

– Да ничего! Я думала, хуже... Это хорошо, что она играет. Вот если б искренняя да по-настоящему влюбленная на ее месте сидела, это было бы плохо. А так... Раз играет, где-то все равно ошибется, как пить дать!

– Ну, не скажи... У искренней да влюбленной только любовь на уме, а у этой, я так думаю, конечная цель есть – свою личную жизнь устроить. Она им скоро окончательно и бесповоротно завладеет, понимаешь? Он совсем, совсем другой стал...

– Да я что-то особых перемен в нем не заметила, – беззаботно сказала Ленка, подходя к своей «девятке». Открыв дверь, со вздохом уселась на сиденье, успев пробормотать себе под нос: – Господи, когда ж я соберусь наконец машину поменять? Хоть бы меня устыдила, Мышь. Езжу на этой развалюхе, как чумичка последняя.

– Он совсем общаться со мной перестал, как будто наглухо стеной отгородился, – продолжила Маша, словно не слыша ее причитаний, – мы раньше часами могли говорить, ты ж знаешь... Он мне про все проблемы рассказывал. Переживаниями делился. Я все, все раньше про него знала! Помнишь, как он меня называл? Мой помойный контейнер...

– Эй, Мышонок... Ты что такое лепечешь, а? Это уже самоуничижением пахнет... Зачем тебе чужие помои нужны? Если этот контейнер один на двоих, общий, – тогда еще понятно. А так...

– Но мы же друзья!

– Арсений – не друг. Он муж твоей подружки. И моей, между прочим, тоже. Но мне, в отличие от тебя, его помои совершенно не нужны. А тебе, объясни, зачем?

– Ну как это зачем...

Маша замолчала. Смотрела испуганно на Ленку, будто ее уличили в чем-то постыдном. Ленка задумчиво достала из сумки поющий вызовом телефон, откинула крышку, поднесла к уху:

– Да...

И тут же вскинулась, запричитала скороговоркой:

– Да, да, еду, конечно! Давно в пути! В пробке стою, черт бы ее побрал. Скоро буду!

Торопливо повернув ключ зажигания, обернулась к Маше:

– Пока, Мышонок! Прости, опаздываю, у меня процесс через полчаса. Вечером созвонимся!

Маша проводила глазами отъехавшую машину, подождала, когда Ленка свернет за угол. Потом стала медленно подниматься в офис и на лестнице столкнулась с Аленой, ловко семенившей вниз по ступенькам. Девушка окинула ее с головы до ног летучим равнодушно-презрительным взглядом, отчего Маше, как обычно, стало не по себе. Уже на следующем лестничном марше на нее налетел спешивший Арсений, подхватил за локти, расплылся в улыбке:

– Прости, Мышь, чуть тебя не сбил... Я по делам, пока! До завтра!

– До завтра... – в спину ему успела сказать Маша.

«Нет, Лен, ты не права... – грустно думала она, глядя из своего кабинета в окно на отъезжающую машину Арсения с Аленой на переднем сиденье. – С этим ничего поделать нельзя, этот процесс уже необратим...»

– Не так, Варька, не так! Что ж ты тупая такая! – сердилась Ленкина дочка Катя на Варьку, гуляющую по бортику бассейна. – Шаг должен начинаться от бедра, а ты всем кор-

пусом вперед вываливаешься!

– Но так же неудобно ходить! – не сдавалась Варька. – Такое чувство, что я палку проглотила!

– Еще и не то проглотишь, чтобы научиться, наконец! Давай все сначала. Вставай на исходную точку! – хорошо поставленным режиссерским голосом командовала Катя.

Уже битый час она безуспешно пыталась научить Варьку походке манекенщицы. Варька хохотала до изнеможения и все время «придуривалась», как выражалась Катя, обиженная таким несерьезным отношением к своей профессии. Инна, Маша, Лена и Филипп, импозантный мужчина с аккуратной ухоженной бородкой, представленный Леной подругам в качестве еще одного претендента на ее руку, сидели в шезлонгах у края небольшого бассейна, с удовольствием наблюдали за их упражнениями.

– Катька, кончай нервничать! – кричала Инна, играя бокалом с отпитым наполовину шампанским. – Чему ты можешь Варьку научить? Коряга, она и есть коряга...

– Почему – коряга? – удивленно, даже несколько возмущенно поднял брови Филипп. – Боже, как у вас язык повернулся такое сказать, Инночка! Она же просто прелесть что за девочка! Катенька, не надо ее зря мучить!

– Почему же мучить? – встряла в разговор и Ленка. – Она ее не мучит, а учит...

– Не надо ее ничему учить. Варенька сама по себе хороша, зачем ей лишние штампы? – улыбаясь, повернулся к ней

Филипп.

– А при чем тут штампы? – тут же взвилась Инна, допив до дна шампанское. – По-вашему, если женщина умеет правильно ходить, красиво одеваться, грамотно себя подать, – это штамп?

– Конечно, а как же иначе? – все так же улыбаясь, спокойно рассуждал Филипп. – Чем дальше от человеческой, женской природы, тем больше штампов. Вы только посмотрите на эту девочку, как она хороша, боже мой! Свежа, непосредственна... А научится правильно ходить, правильно себя подавать – и ее прелесть исчезнет навсегда, только ее и видели! В женщине всегда должен присутствовать некий потенциал красоты, закрытый для всех потаенный ларец, из которого только со временем она должна доставать свои сокровища, помаленьку и экономно их расходуя.

– Как это? – непонимающе и настороженно, будто ощущая некий подвох, спросила Инна.

– Ну как вам объяснить... Например, если женщина чуть полновата – в нужный момент она может похудеть, немодно одета – тоже очень хорошо: можно разом до неузнаваемости обновить гардероб, поразив окружающих своим новым обликом. Если не пользуется косметикой – сделать себе совершенно новое красивое лицо, другой, так сказать, рисунок. А когда весь потенциал до капельки использован – уже неинтересно ни самой женщине, ни окружающим.

– А вы у нас, как оказалось, ценитель женщин? Так надо

полагать? – с иронией, в которой присутствовали и нотки раздражения, спросила Инна.

– Не обижайтесь, Инночка, я же не вас имею в виду! По-моему, вы очень даже грамотно используете свой потенциал!

– Да, Инночка у нас всю сознательную жизнь только этим и занимается, – засмеялась Ленка, обнимая насупившуюся Инну.

– А вот вы, Машенька... Почему вы не пользуетесь косметикой? Мне кажется, ваше лицо давно ее просит. Ваш потенциал требует каких-то действий, иначе он захиреет и умрет. А природа таких вещей не прощает, уж поверьте мне, старому бабнику!

Инна и Лена, перестав обниматься, как по команде уставились на смущенную Машу, словно пытаясь разглядеть ее хиреющий и умирающий прямо у них на глазах потенциал. А Филипп тем временем продолжал:

– У вас классически правильное лицо с прекрасным овалом, как чистый лист бумаги, на котором можно нарисовать все, что угодно. Неужели не встретился ни один Пигмалион, желающий превратить вас в Галатею, Машенька? Ни за что не поверю...

– А давай, Мышонок, мы с Инкой и правда тебя подкрасим! И волосы уложим... – предложила Ленка.

– Нет! Не хочу! – твердо сказала Маша и даже руку ладонью вперед вытянула, словно защищаясь от их посягательств.

– Мышь, ну давай, чего ты, интересно же! – загорелась Инна. – Арсений с Семеном с рыбалки вернутся, а тут ты – другая до неузнаваемости! Сюрпи-и-и-из!

– Не хочу сюрпризов! Отстаньте! – слабо сопротивлялась Маша.

– Машенька, ну ради меня! – присоединился к ним и Филипп. – Я гость, а желание гостя – закон...

– Мам, а правда, давай! – неожиданно поддержала их подошедшая незаметно Варька. – Пусть все увидят, какая ты красивая! А то все Мышь да Мышь, – стрельнула она глазами в Иннину сторону, – а ты никакая и не мышь вовсе!

– Ну ладно, делайте что хотите, – сдалась наконец Маша, – только одно условие! Если мне не понравится – сразу умоюсь!

Оставив Филиппа на попечение Вари и Кати, они поднялись на второй этаж, в спальню, где находился Иннин туалетный столик, уставленный баночками и флакончиками, пузырьками и щеточками, кисточками и разнообразными коробочками всех цветов и размеров.

– Ну что, Мышонок, садись спиной к зеркалу, красавицу из тебя будем делать! – приступила к решительным действиям Ленка.

Маша покорно села на стул, закрыла глаза. Ленка стала колдовать над ее длинными волосами, больно вытягивая щипцами пряди. Инна, как заправский визажист, начала процедуру с маски для лица.

– Вот так, вот так, – приговаривала она, накладывая маску толстым слоем, – это очень хорошая штука, Мышь, после нее кожа прямо на глазах свежеет, подтягивается...

– Ну как вам моя Копченая Колбаса? – смеясь, обратилась к ним Ленка, вспомнив тайный псевдоним своего второго жениха.

– Да уж, колбаса ну о-о-очень копченая! – подхватила Инна, оторвавшись на секунду от своего занятия. – А тебе не кажется, Ленка, что он бабник? Будешь потом всю жизнь из чужих постелей его вытаскивать...

– Кажется, кажется! – проворчала Ленка. – Конечно кажется. Я ведь вас предупреждала... Зато он адвокат классный, высокооплачиваемый. И фактурка у него – залюбуешься! А я вот возьму да ребеночка ему рожу. Куда он тогда от меня денется? А что, и рожу. Какие мои годы?

– Не знаю, не знаю... По-моему, не нужно тебе такого счастья. Измотает он тебя. А внешне он, конечно, классный мужик! Импозантный, харизматичный. Саша твой и рядом не стоял...

– Да, девочки, везде свои плюсы и минусы! Я как гоголевская Агафья Тихоновна, разборчивая невеста, все хочу создать жениховский собирательный образ. Мышонок, а ты чего молчишь?

– Лицо щиплет...

– А ты как думала? Красота – она терпения требует! Вот так и мучаемся каждый день, да, Ленка? Потерпи, сейчас уже

снимать буду...

Инна ловко подхватила под Машиным подбородком схватившуюся плотной пленкой маску, потянула вверх.

– Ой! Больно же! – взвыла от испуга Маша. Лицо ее горело огнем, ей казалось, что Инна содрала вместе с пленкой и кожу. – Ничего себе, пытки в застенках...

– Да ладно... – успокоила ее Инна. – Не вздрагивай. Сейчас кремиком хорошим намажем, вот так, вот так... Теперь спонжиком тон нанесем, потом пудру...

– Это что, ты каждое утро над собой так издеваешься? – удивилась Маша, слушая Иннины комментарии.

– Ну почему издеваюсь? Я делаю это с удовольствием... Я же женщина, в конце концов, а не серая мышь. Так, теперь чуточку румян, потом подкрасим глазки... Ой, Лен, а что мы будем делать с бровями? Это же ужас что такое, тут работы на целый час!

– А что у меня с бровями? – обеспокоенно спросила Маша. – Какой работы на час?

– Тихо, Мышонок, не волнуйся! Доверься специалистам. Брови будем выравнивать. Хотя бы по нижнему краю.

– Это больно? – спросила Маша.

– Потерпишь, Галатея ты наша ненаглядная! Другие ради красоты и не такое терпят... Помнишь, Инка, как в прошлом году тебе губы корректировали?

– Ой, лучше не вспоминай... Гель какой-то некачественный ввели, я думала, навеки уродом останусь.

– А зачем гель в губы? – спросила Маша, героически терпя экзекуцию по выравниванию бровей.

– Ну, чтобы объем придать, пухлость... Да что я тебе объясняю! Все равно не поймешь!

– Действительно, не пойму... Ой! Хватит уже! Больно...

– Все-все, заканчиваю!

Последний штрих... Инна долго еще колдовала над ее лицом, Ленка над прической. Потом обе они отошли в сторону, встали перед Машей с загадочными лицами, помолчали...

– Да... – задумчиво произнесла Инна. – А Копченая Колбаса, то бишь Филипп твой прав, в чем-то определенно прав относительно потенциала...

– Вставай, Галатея, смотри на себя! – разрешила Ленка.

– Стой! Не надо, подожди!

Инна опрометью кинулась к шкафу, стала выбрасывать на кровать легкие разноцветные одежки. Наконец вытащила красивое шелковое платье нежного фисташкового цвета с большими красными цветами по полю, на тоненьких бретельках, с разрезом до бедра.

– Ой, нет, я такое не надену... – сделала попытку к сопротивлению Маша.

– Да чего уж там, Мышонок! – решительно махнула рукой Ленка. – Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! Дойди до последней точки разврата, совсем отдайся!

Вдвоем они помогли ей втиснуться в платье, которое оказалось еще и с корсетом, отчего грудь поднялась вверх, кра-

сиво расположившись в откровенном вырезе.

– Отпад... Ну полный отпад, Мышонок... – заворуженно повторяла Ленка. – Сама себя сейчас не узнаешь... Обернись к зеркалу, посмотри!

Маша долго всматривалась в свое отражение, не проявляя никаких эмоций по поводу увиденного. Странное у нее было чувство, некомфортное какое-то. Из зеркала на нее смотрела действительно очень красивая женщина с искусно сделанным макияжем, модной прической с торчащими на затылке озорными хвостиками. Красивая, только чужая совсем. Внутри было пусто, неприятно как-то, словно душа ее обиделась на новую оболочку, не хотела в нее входить, стояла где-то в сторонке, надувшись, как мышь на крупу.

– Что ты молчишь? – не выдержала Инна. – Неужели не нравится? Тебя же сейчас не узнает никто! Действительно, сюрприз получился...

– Почему? Нравится, конечно. Только я так долго ходить не смогу! Непривычно как-то.

– Ну, пойдем народ поражать! – взяла ее Ленка за руку. Обернувшись к Инне, спросила: – А как ты думаешь, Инка, кто от процесса преобразования большее удовольствие испытывал, Пигмалион или Галатея? По-моему, так Пигмалион...

– А то! – вскинулась Инна. – Сколько тут наших трудов положено! А косметики моей сколько ушло! А ей, видишь ли, непривычно как-то... Хотя бы одну радостную эмоцию

для приличия выдала! Мышь, она и в Африке мышь...

Маша медленно спустилась по лестнице, придерживая подол длинного платья. В сопровождении Инны и Ленки босыми ногами ступила на газон, медленно пошла в сторону бассейна, гордо неся голову и изо всех сил стараясь придать походке некую вальяжность, соответствующую, как ей казалось, новому образу. Увидев сидящего на траве Арсения, изумленно глядящего на нее, вдруг подумала: «Скорее всего, только из-за него я и согласилась на эту авантюру, похожую на всплеск отчаяния... Пусть меня запомнит такой, когда к своей Алене уйдет! Хотя зачем ему меня помнить? Все равно, пусть...»

– Мышь, это ты или не ты? – недоверчиво произнес Арсений, вставая ей навстречу. – Что они с тобой сделали, милая ты моя? Семен! У тебя жена – подпольная красавица, что ли? Столько лет скрывалась!

– Она и без помады красавица... – недовольно пробурчал Семен. – Всем вам охота, чтоб только поярче было, а женская красота – она изнутри светится, ее не всем видно!

– Браво, Семен! – захлопал в ладоши со своего шезлонга Филипп. – Вот, дорогая Инночка, вам яркий пример наличия женского потенциала! Слышали? Изнутри светится! А теперь, пожалуйста, и снаружи! Сейчас-то вы со мной согласны?

– Мамочка, какая ты красивая! Какая молодая! Катька, ну посмотри, что за прелесть! Отпад! Полный отпад! – хлопая

в ладоши, прыгала вокруг Маши Варька.

– Я не понял... В этом доме гостей чем-нибудь кормить собираются? – громко спросил Семен. – Или мы весь день на красоту моей жены любоваться будем? Мы с Арсением с рыбалки шли, думали, прямо к столу попадем!

– Ой... – растерянно забормотала Инна, – мы же про все забыли! Даже углей для шашлыков нет...

– Так, все друженько работаем, накрываем на стол! – мгновенно сориентировавшись в ситуации, взяла на себя обязанности хозяйки Ленка. – Мальчики жарят шашлык, девочки режут салатики! Семен, потом будешь водку пить!

Она действительно очень быстро организовала всех, построив каждого к своему делу, и уже через час вся компания сидела за накрытым на большой поляне столом, весело выпивая и закусывая. Маша смотрела на всех, как обычно, трезвыми глазами, слушала льющиеся потоком в свой адрес комплименты, улыбалась равнодушно и вежливо.

– А для меня ты все равно Мышонок! – пьяно и громко кричал ей, размахивая вилкой, с другого конца стола Арсений. – Я тебя всякую люблю! Хотя, знаешь, в прежнем виде ты мне как-то роднее была...

– Почему была? – тихо спросила Маша, зная, что никто ее не услышит. Инна с Ленкой уже с шумом вставали из-за стола, громко смеясь, тащили Филиппа к бассейну. Семен начал о чем-то отчаянно спорить с Арсением, Катя с Варей под шумок чокнулись и выпили по рюмке водки...

– Варюша! – строго сказала Маша, проходя мимо нее. – Чего это ты? Это ж водка! Тебе плохо будет!

– Ой, мам! Ладно тебе, не будь занудой. Надо все в жизни в качестве эксперимента перепробовать. А вдруг пригодится? – уже вслед ей прохихикала Варька.

Маша не торопясь прошла босиком по мягкой траве, села в шезлонг, вытянув ноги, закрыла глаза. Как хорошо Арсений сейчас сказал – я тебя всякую люблю... Любишь, конечно любишь! Где ты еще найдешь более преданного друга, готового для тебя на все – и принимать душевную помойку, и дружить с твоей взбалмошной и капризной женой, и мыть за нее посуду на твоей даче, и думать о тебе целыми днями, и насобачиться ночами плакать в подушку так, чтобы муж не услышал...

– А почему вы даже глотка вина не выпили, Машенька? Я наблюдал за вами, – услышала она над ухом тихий, вкрадчивый голос Филиппа.

– Я вообще не пью.

– А зря... – с улыбкой проговорил он, устраиваясь в соседнем шезлонге. – Немного вина всегда красит женщину, придает сексапильности, блеска глазам, раскрепощает... Вам бы это не повредило, уж поверьте мне!

– Ну, это дело вкуса! – не отвечая на его улыбку и глядя прямо перед собой, ответила Маша.

– Машенька, а может, мы о вкусах поспорим в другом месте? Хотя, как известно, о них, о вкусах, вообще не спорят.

Но мы все же попробуем!

– В каком другом? – удивленно уставилась на него Маша. – Что вы имеете в виду?

– Давайте как-нибудь поужинаем вместе! В следующую пятницу, например. Я знаю удивительное место за городом...

– Это что же, вы меня на свидание приглашаете? – уставилась на него Маша.

– Ну да. А почему вы так этому удивились, Машенька?

– Ну как же, Филипп... Во-первых, Лена – моя подруга, а во-вторых, я все-таки замужем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.